

**Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского**

Отдел читальный зал

ТАЛАНТ ИЗ «ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ»

***О жизни и творчестве
Егора Молданова (А.С. Костишина)***

Информационно-методические материалы

Благовещенск 2013

Талант из «вечной мерзлоты». О жизни и творчестве Егора Молданова (А.С. Костишина) : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2012. – 76 с.

Составитель : В. В. Соломенник

Ответственный за выпуск : О. С. Праскова

Верстка и дизайн : М. И. Гнускова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*Больше фантомов не будет.
Будет писатель, будет критик,
и у него будет имя и фамилия – Анатолий Костишин*
А. Костишин

В 2008 году произошло яркое, неординарное событие для Приамурья. Впервые лауреатом одной из престижных литературных премий – премии «Дебют» – стал наш, амурский, молодой писатель Егор Молданов с повестью «Трудный возраст». Благодаря победе Егора читатели узнали, что есть такое место – поселок Хорогочи Тындинского района Амурской области.

Премия «Дебют» была учреждена в 2000 году фондом «Поколение» для поощрения молодых писателей в возрасте с 25 лет. В 2011 году возрастное ограничение увеличили до 35 лет. На конкурс выдвигаются произведения, созданные на русском языке вне зависимости от места проживания автора. Премия предусматривает пять номинаций: «Крупная проза», «Малая проза», «Большая поэзия», «Малая поэзия», «Драматургия».

В 2008 году на получение премии «Дебют» претендовали более 50 тысяч молодых литераторов не только из России, но и авторов из других стран и континентов, пишущих на русском языке.

В 2001 году сопредседатель Попечительского совета премии «Дебют» Дмитрий Липскеров предложил установить специальный приз-номинацию «Мужество в литературе». При присуждении этой номинации определяющим является не только художественный уровень произведения, представленного на конкурс, но и то, что сам автор произведения проявил незаурядные личностные качества и стал писателем вопреки суровым жизненным обстоятельствам.

Номинация «Мужество в литературе» присуждается не ежегодно, а только тогда, когда на нее есть реальный претендент. В 2008 году таким реальным претендентом стал Егор Молданов с повестью «Трудный возраст». Через полгода это произведение вошло в полуфинал – шорт-лист – национальной премии «Большая книга». Причем, Егор Молданов оказался самым молодым полуфиналистом за всю историю этой престижной литературной премии. В 2009 году с циклом рассказов «Поселок» молодой писатель вошел в лонг-лист этой премии и удостоился почетного упоминания жюри.

Сегодня повесть «Трудный возраст» издана отдельной книгой в Санкт-Петербургском книжном издательстве «Комильфо». И, безусловно, это произведение заслуживает такого признания. Однако повесть Егора Молданова, как и многое в серьезной литературе нашего времени, к сожалению, не слишком известна широкому читателю.

В фонде нашей библиотеки находится книга «Трудный возраст» с дарственной надписью автора: «Областной научной библиотеке им. М.-Амурского с благодарностью от автора – Егора Молданова. Прочтения Вам и читателей. 18. 04. 2009 г.».

Егор стремительно взлетел на литературный Олимп из амурской окраины, вошёл в литературную жизнь области. Его произведения публиковались в областных литературных изданиях, учителя проводили и проводят по ним тематические уроки. Но также стремительно всё вдруг покатило к горькому концу. Его многочисленные читатели и поклонники узнали страшную весть: у Егора саркома, он с невероятным мужеством сражается за жизнь. В 25 декабря 2009 года пришло сообщение из канадского Монреаля: Егора не стало. Конец повести.

Но оказалось, что молодой амурский писатель Егор Молданов – литературная мистификация. В предлагаемом сборнике будут представлены различные точки зрения на возникшую ситуацию. Как сказал настоящий автор «Трудного возраста» Анатолий Степанович Костишин: «Знаю, многим это не понравится, и они не будут меня читать, другие будут наблюдать, получится ли у него снова войти в одно и то же русло, но будут и третьи...». И далее: «Почему писателю Егору Молданову надо было умереть?! Слишком его реальная жизнь отличалась от созданной литературной».

Бесспорно, создатель повести поступил непорядочно. Но это не первая и, к сожалению, далеко не последняя литературная мистификация. Что касается повести «Трудный возраст», то она ведь так или иначе дошла до массового читателя, вызвала интерес, осталась как факт современной литературы. То есть автор своей цели достиг, правда, увы, несправедливым путем. Повесть «Трудный возраст» должна изучаться в школьном курсе литературы. Это произведение сможет сформировать у подрастающего поколения непреходящие нравственные ценности: умение дружить, любить и уважать как своих ровесников, родителей, так и самих себя.

Данные информационно-методические материалы, созданные на основе литературных и критических источников, помогут читателю составить своё мнение о поступке амурского литературного мистификатора.

Сведения, представленные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учителям, всем группам учащихся, читателям, интересующимся состоянием современного литературного процесса.

ЕГОР МОЛДАНОВ – А. С. КОСТИШИН: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

*Беги, пока живешь,
Лети, пока мечтаешь,
Люби, пока по телу дрожь,
И верь тому, что знаешь!*

*Живи, пока в душе тепло,
Пойми, когда теряешь,
Уйди, пока еще светло.
Прости, пока не умираешь!*

Егор Молданов

«Написание книги – это путешествие: есть начало пути и есть конец, дорога между ними – чья-то прожитая жизнь». Это строки из произведения Егора Молданова «Трудный возраст». К сожалению, дорога самого автора оказалась очень короткой. О нём узнали в конце 2008 года, когда повесть «Трудный возраст» была отмечена премией «Дебют». И знакомство это оказалось катастрофически коротким – 25 декабря 2009 года Егора не стало.

Егор Леонидович Молданов родился 16 ноября 1987 года в деревне Ванзеват Березовского района Югорского края Ханты-Мансийского автономного округа. Он был четвертым ребенком в семье. После смерти родителей жил некоторое время со старшей сестрой. В 2001 году Егор попал в пришкольный интернат поселка Полноват Белоярского района. В 2003 году Молданова вместе с братом взял под опеку директор интерната. На Амурской земле, в бамовском поселке Хорогочи, по воле непростой судьбы оказался в 2007 году. Здесь окончил вечернюю школу и отсюда в 2008 году поступил в Благовещенский филиал Московской академии предпринимательства на юридический факультет. В 2009 году, параллельно с учебой в МАП, Егор стал студентом сценарного факультета ВГИКа. Проживал в Москве, печатался в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «НГ-Экслибрис», журналах «Урал», «Дети Ра» и др. Являлся стипендиатом Министерства культуры РФ.

В интервью корреспонденту газеты «Амурская правда» Юлии Климычевой на вопрос: «Егор, расскажите немного о себе: чем занимаетесь, где учились, как давно начали писать?», молодой писатель дал обстоятельный ответ:

«Родился в Березовском районе Ханты-Мансийского округа. Родители простые люди: отец – рыбак (у нас этим промыслом занимаются 90% населения), мать – домохозяйка. Мне было 6 лет, когда утонул на Оби мой отец, через пять лет умерла мать. Парадоксально, что оба моих родителя умерли ровно в 37 лет.

После смерти матери нас со старшим братом Алексеем направили в пришкольный интернат, в котором мы прожили чуть больше года. В апреле 2001 года в школу приехал работать новый директор. Я сдружился с его сыном. В октябре того же года нас с братом директор школы взял к себе домой, оформив на нас двоих опеку, так мы попали в семью. Так в мою жизнь вошел мой приемный отец, которого я очень сильно, прежде всего, уважаю и люблю – Анатолий Степанович Костишин. Он необыкновенный человек, и чтобы это понять, с ним надо пожить. Он один воспитывал нас, троих пацанов, ни разу не ударил, ни разу не позволил себе нас оскорбить, ни разу не повысил на нас голоса. Отец замечательный человек, очень добрый, и это просто меня потрясает. Хотя трудности у нас были, но я через три месяца стал называть его отцом. Если бы не отец, мне было бы в этой жизни в десятки раз труднее, и неизвестно, написал бы я книгу или нет. Он поверил в меня, поддерживал, помогал писать первые тексты.

Я отслужил в армии – в Черноморском флоте, был в Италии, Франции, Турции, Ливии, Крите, вернулся к отцу. Он со своей семьей уже жил в поселке Хорогочи, за время моей службы он женился, обзавелся родным ребенком – Марком, крестным отцом которого являюсь я. Для меня это великая честь и радость. Отец работает директором школы. Я закончил курсы взрывников, работаю, а также поступил на юридический факультет одного из благовещенских вузов».

Как видим, судьба не баловала Егора Молданова. Но на его жизненном пути встретился добрый и чуткий человек – приемный отец. И впоследствии Егор не раз отмечал, что многим обязан приемному отцу, ставшему для него родным человеком, другом и наставником.

Отслужив в армии, Егор Молданов начал писать – увлеченно, страстно, стараясь поднимать самые актуальные, острые проблемы современного общества. «Сотни тысяч беспризорников слоняются

по вокзалам, значным местам, десятки тысяч живут в детских домах и приютах. Алкоголизм, наркомания, подростковая проституция, ВИЧ – это все уже давно коснулось подростка. Суицид, подростковая проституция – это также вокруг нас, и такое ощущение, что никто ничего не замечает или не хочет замечать», – сказал молодой писатель в одном из интервью. Собственно, это и было основной темой его творчества.

Вот что говорит Егор о том, почему стал писать: «До недавнего времени я и представить себе не мог, что буду писать, что это станет насущной потребностью. Ни я сам, ни учителя в школе не заметили художественного таланта во мне, да и литература, честно говоря, казалась тогда скучным предметом. А писатели виделись небожителями, которые всегда знают, что сказать. Мне нечего было поведать людям такого, чего бы они сами не знали.

Однако шло время... Перенесенные утраты заставили посмотреть на мир другими глазами. К двадцати годам накопился определенный жизненный опыт, и в какой-то момент я почувствовал желание поделиться с кем-то пережитым, передуманным, перечувствованным. Опыт первой книги «Трудный возраст» придал уверенности, однако получится ли из меня писатель, покажет лишь время.

Я люблю Амурскую землю. Люблю приемного отца, который заменил мне умерших родителей. Люблю своего маленького брата Марка, крестным которого являюсь. Люблю литературу, она как наркотик: один раз принявши, уже не можешь бросить».

В интервью с журналистами Егор щедро делился своими планами: «В моих творческих планах – написание повести о Бесланской трагедии, и ради этого я собираюсь съездить с отцом (он будет активно мне помогать) в Беслан. Сейчас я работаю над циклом рассказов, рабочее название пока «Победившие судьбу» – это рассказы о жизни наших бабушек и дедушек в тылу врага. Если у кого-то есть желание поделиться своими воспоминаниями, буду искренне признателен».

Егор Молданов был очень скромным и, наверное, сам бы не решился отправить свою первую большую книгу на конкурс литературной премии «Дебют». Вот что он говорил об этом: «Книгу на конкурс отправил мой отец, я об этом узнал, когда пришло официальное приглашение на церемонию вручения премии в Москву. Я не рассчитывал на победу. Для меня то, что моя книга вошла в финал, – уже было большим успехом. Благодаря «Дебюту» книга выдвинута еще на одну престижную литературную премию – я стал стипендиатом Министерства культуры РФ».

После «Дебюта» Егор Молданов не потерялся, как это нередко случалось с молодыми лауреатами, он активно сотрудничал со столичными изданиями, писал рассказы, рецензии, статьи, брал интервью, присылал материалы в литературные газеты. И кто знал, что ему уже был поставлен смертельный диагноз: онкология? Он никогда не афишировал этого, никому не жаловался, вел себя так, как будто впереди – целая жизнь, безоблачная, долгая, счастливая.

За те несколько месяцев, что Егор Молданов был автором «Литературной России», на страницах этой газеты состоялось больше двадцати его публикаций. Статьи, рецензии, рассказ, заметки, интервью с писателями, критиками, учеными. И везде присутствовало редкое сочетание отличного владения словом, ума и юношеской энергии. Нельзя было догадаться, что автор, двадцатидвухлетний парень, ведущий такую активную деятельность, каждую минуту борется со страшной, съедающей его болезнью.

О трагедии Егора ходило несколько версий. По одной из них, молодой писатель ещё до «Дебюта» попал в страшную автокатастрофу, которая покалечила почти всю его приёмную семью. По другим рассказам выходило так, что сначала была авария, после которой врачи вынуждены были удалить ему ногу. Катастрофа привела к тяжелейшим последствиям. Она спровоцировала саркому кости.

Понимая, что его болезнь неизлечима, Егор писал: « У меня не так уж и много времени. Болезнь моя прогрессирует, боюсь, что у меня максимум год, хочется многое успеть за отпущенное время. Я работаю над продолжением «Трудного возраста». И продолжение действительно перерастает в роман, чего я не ожидал. Книга будет называться «Труднодоступный возраст». Я держусь, не унываю, хотя порой это не легко. Я очень хочу жить, у меня масса планов, задумок и умирать никак не входит в мои планы, и даже если это произойдёт, поверьте, я тогда буду выжимать из каждой минуты по максимуму. Я очень упрямый и целеустремлённый. Возможно, я очень наивный и мало прожил, но, как ни странно, я счастлив именно в период, когда я болею. Очень многие меня поддерживают морально, и это даёт мне силы не расслабляться, не отчаиваться и жить надеждой, что болезнь я смогу победить».

После перевода в общую палату Егора очень поддерживал дед Трофим. Но деда вскоре не стало. В письме к Ирине Ковалевой, одно время занимавшейся Форумом молодых писателей в подмосковных Липках, Егор Молданов откровенно написал: «Час назад умер дед

Трофим. Я еще не осознал, что его уже нет. Господи! Как же ты жесток. Четыре месяца в больнице, три сложнейших операции, последняя, которая окончилась ампутацией, и всегда меня поддерживал 80-летний старик. Он прошел две войны, похоронил двух жен и воспитал четырех сыновей, семь внуков. Он не был учителем, он не был медиком. Дед Трофим всю жизнь работал кочегаром, потом на пенсии двадцать лет дворником, и его участок был самым чистым.

Когда меня увезли в прошлый четверг на операцию, дед Трофим плакал и я вместе с ним. В понедельник меня перевели в общую палату, и дед ликовал. Я плачу. Дед Трофим стал, как родной. Я рано в детстве стал сиротой и завидовал тем, у кого были родители. В 12 лет меня взяли в семью, и я узнал, что такое слово ОТЕЦ. В больнице я узнал, что такое ДЕД.

Я думаю, что дед Трофим меня слышит. Я ему хочу сказать: «Мне так больно, что тебя нет с нами, со мной. И еще, самое главное! Я люблю тебя, дед Трофим! Очень люблю! Мне тебя будет не хватать».

Во Львове, где Егор проходил лечение, врачи оказались бессильными. Операции ему не помогли. Новые родственники (семья брата приёмного отца) сделали ставку на Канаду. И вскоре Егора перевезли в Монреаль.

Егор очень боялся стать для семьи брата приёмного отца обузой. Он хотел хоть как-то показать, что тоже может зарабатывать. Поэтому Егор так истово писал рецензии на книги и сотрудничал со многими литературными журналами и газетами. Егор очень гордился тем, что может зарабатывать хоть какие-то деньги писательским трудом.

21 декабря 2009 Егора в очередной раз ввели в искусственную кому. Врачи считали, что трехдневное пребывание Егора в таком состоянии им позволит сделать переливание крови, после чего будет сделана очередная операция. Случилось непредвиденное во время вывода его из искусственной комы. Отказала почка, затем оторвался лёгочный тромб и забил артерию. Смерть была почти мгновенная, врачи ничего не смогли сделать. Болезнь очень быстро развивалась, и организм был ослаблен.

Похоронили Егора, как он и предвидел, в Монреале.

Артур Аминлаус (двоюродный брат Егора по приемному отцу) в августе 2010 году написал: «Егор до последнего дня работал над самой повестью и её продолжением. Я сколько мог ему помогал, очень много Егор записал на диктофон. В связи с продолжением книги, Егор автоматически вносил изменения и в «Трудный возраст».

Желание Егора было – опубликовать «Птицу». После смерти Егора работа над книгой не остановилась. Прежде всего, вся книга будет называться «У птицы не подбитое крыло». Книга будет состоять из двух частей: Трудный возраст и Труднодоступный возраст. Публикация возможна только когда будет полностью закончена вторая часть книги «Труднодоступный возраст» и внесены изменения в «Трудный возраст». При работе над книгой используются черновики Егора, его наброски, его размышления, записанные на диктофон. Помогает мне работать над книгой приёмный отец Егора, он не умер, он живой, хотя в газетах сообщалось о его гибели. Это было недоразумение. По поводу авторского гонорара – это надо решать с приёмным отцом Егора, но я уверен, что он его направит на благотворительные цели. Думаю, этот вопрос надо решать, когда у вас будет уже готовая книга».

Анатолий Степанович Костишин в переписке с Вячеславом Огрызко (газета «Литературная Россия») так выразил свою позицию по возникшим редакционным вопросам: «Егор – очень большая тема для меня, и скоро будет год, но я не знаю, сколько мне понадобится времени, чтобы хоть немного отойти. Ни Егор, ни я – не любили быть в центре событий, привлекать к себе внимание. И ему, и мне пришлось много выстрадать, люди зачастую очень жестоки. И если я к этому как бы привык, то Егор был не настолько толстокожим. Публикация в «Роман-газете» его «Трудного возраста», думаю, его бы обрадовала, но я не буду ходить по юристам и доказывать какие-то права. Поэтому, если журнал сможет сделать так, что «Трудный возраст» Егор якобы прислал при жизни – делайте так, тем более что Егор написал и предисловие к книге ещё при жизни. Никаких мне денег не надо. Не озадачивайте сильно своих юристов. И ещё личная просьба. Я хочу быть в тени, не хочу, чтобы моя фамилия где-то мелькала. Я живу в слишком замкнутом микросоциуме и хочу тишины и покоя и того уединения, которое есть у меня сейчас. Думаю, что вы меня поймёте. Я и своему племяннику Артуру запретил делать какие-то ссылки на меня. Рукопись «Трудного возраста» я скину вам через несколько дней, просто ещё раз пробегу глазами. Пока не опубликована последняя строчка моего сына, для меня он жив и, думаю, будет жить всю мою сознательную жизнь».

«В прошлом декабре простился с другом. Я его никогда не видел, но за три с небольшим месяца нашего общения он мне стал действительно дорог, именно так, как бывает в настоящей дружбе. Простился навсегда.

Больше мне не напишет, и я не услышу его строки-голос, не почувствую его мощную волю к жизни», – так на страницах газеты «Литературная Россия» попрощался с Егором Молдановым его друг, молодой писатель из города Северодвинск, Андрей Рудалев. Эта дружба помогла Егору в последние месяцы его жизни переносить невероятные тяготы неизлечимой прогрессирующей болезни.

По нашим временам личное, то есть визуальное, знакомство не является монополистом в общении между людьми. Сначала Андрей Рудалев увидел комментарии Егора Молданова в Живом Журнале под странным логином «аристарх», тогда они показались ему во многом наивными: «Победил человек в «Дебюте», окрылился удачей, амбиции появились».

Потом, в конце сентября 2009 года, Егор и Андрей уже списались. Рудалев написал рецензию на повесть «Трудный возраст»: «Повесть о парне, который проходит долгий, мучительный, усеянный трагедиями обряд посвящения в человека». Тогда же он ближе узнал Егора, а также о его проблемах со здоровьем.

Андрея Рудалева покорило в Егоре: «Желание успеть, по максимуму сделать, проговорить как можно больше уходящему миру и жизни – такова была его цель, его свет в ситуации безнадёги. Цель эта не давала опускать руки. Именно о желании писать он говорил как о единственном, что еще его держит в этом мире, заставляет переносить безумные физические страдания».

Периодически Егор пропадал на некоторое время из переписки, потом, как бы оправдываясь перед виртуальным другом, говорил в письме: «Я долго не писал, потому что был на кончике жизни, и все же я вернулся». Егор возвращался, и Андрей надеялся, что так будет всегда. Что-то иное просто не воспринималось.

Егору было важно произнести слово «друг». Так молодые люди стали друзьями. В ситуации постоянного ощущения «на краю» это должно было давать и, безусловно, давало силы, чувство плеча. За несколько месяцев эпистолярно-электронной дружбы было прожито по-настоящему много.

Так друзья общались. Пока не настало воскресенье декабря, и Егор не сообщил, что его будут погружать в искусственную кому и делать переливание крови. Это настолько потрясло Андрея, что он написал: «Вчера писал друг. Тяжело болеет. Его очередной раз погружают в состояние искусственной комы, и он не знает, выйдет ли. Вот и писал вчера об этом. Молодой парень. Талантливый, искрен-

ний, чистый, мужественный. На десять лет младше меня, но повидавший в жизни больше в разы. Мужеству его можно восхищаться. Тут топчешься по жизни, стонешь по всякой хрени. А парень в ту пропасть смотрит и постепенно скатывается в нее... Скатывается без стонов, без проклятий, не теряя духа, сжав челюсти до хруста. Большой человек. Любит жизнь, по-настоящему любит и ценит ее мгновения. Начинаешь думать о нем и ощущаешь себя липким червем бессмысленно ползающим.

Вчера утром друг написал, что ему впервые в жизни страшно. Он никогда не знал этого чувства и тут испытал. У него много планов, ему хочется завершить начатое, и уход сейчас будет несправедлив.

Уже вечером его погружали в кому. Ноутбук еще не забрали, и он, пока мог, слепым набором бил по клавишам. В этом состоянии он написал мне два письма. Первое друг заканчивал словами: «если мне суждено выжить я выживу если нет значит нет но я рад что вы все были у меня». А второе уже сложно было разобрать...

Вот здесь начинаешь понимать, что есть настоящие люди. Большие, мощные, наполненные необычайной витальной силой. Надеюсь, через несколько дней он мне напишет. Иначе все будет неправильно, неправильно».

Но через несколько дней оказалось, что фраза из письма «Андрюша прощай все ничего не увижу» была последней.

Андрей Рудалев периодически перечитывает письма Егора: «В них до сих пор мощно пульсирует энергия, простая пацанская искренность и чистота. Читая, я понимаю, что у меня есть друг, очень переданный и открытый, а это огромная радость в жизни. Спасибо тебе, Егор, за это счастье!».

В интервью журналисту газеты «Моя мадонна» Яны Гафаровой на вопрос: «Литература для вас – это больше увлечение или, возможно, будущая профессия?», Егор ответил: «Мне нравится писать, нравится быть в том мире, который я создаю. Получится ли из меня писатель покажет время».

Статья Вячеслава Огрызко «Мне первый раз страшно» о трагической судьбе талантливого начинающего автора Егора Молданова («Литературная Россия» от 21.09.2012) подвигла питерского писателя Валерия Айрапетяна провести расследование, которое взволновало литературное сообщество. Лично с Егором Молдановым из писателей и критиков почти никто не был знаком. Егор жил сначала в Ханты-Мансийском автономном округе, затем – в Амурской области,

а позже, во время болезни, во Львове. Умер в Канаде. Знакомство и общение происходило при помощи Интернета. В общем-то, переписка и занимает большую часть статьи Вячеслава Огрызко.

После смерти автора «Трудного возраста» его дело продолжил двоюродный брат по приёмному отцу Артур Акминлаус. Он присылал в редакцию «Литературной России» рассказы Егора, писал о его последних днях, а затем и сам стал заниматься литературной критикой, причём сначала под псевдонимом Сергей Богданов (своё авторство Артур скрывал и от газеты «Литературная Россия», где статьи в основном и публиковались). Лишь спустя примерно полгода Артур Акминлаус признался, что за Сергеем Богдановым скрывался именно он.

Затем Артур стал выходить на контакт реже и реже, ссылаясь на житейские трудности и беды, которые продолжали обрушиваться на родственников Егора Молданова. В последний месяц писем от Артура Акминлауса на почте газеты не появлялось.

Факты, приведённые в расследовании Валерия Айрапетяна (интернет-издание «Шум», 8.10.2012), выглядят достаточно убедительными. Честно говоря, некоторые не то чтобы подозрения, а недоумения возникали у редакции «Литературной России» довольно давно. Например, хорошо знающий жизнь северных народов Вячеслав Огрызко поражался, как ханты Егор Молданов мог оказаться в детском доме, при том что родственные связи у хантов очень крепки, а Егор принадлежит к одному из известнейших в Югре родов. Или ещё один штрих: родственники Егора точно должны были приехать в Москву, в том числе и затем, чтобы решить вопрос о его творческом наследии, взять в редакции публикации Егора, номера «Урала» с повестью «Трудный возраст», которые оставил сотрудник журнала Сергей Беляков, но так и не появились, и в переписке тема приезда как-то замялась. Странности возникли и во время переговоров об издании «Трудного возраста» и рассказов Егора в «Роман-газете». Наследников оказалось так много, а их реакция на подписание договоров какой-то непонятной, что главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов решил отложить публикацию до лучших времён.

Недоумение вызвала и история с приёмным отцом Егора – Анатолием Степановичем Костишиным. По словам самого Егора, его убили, по словам Артура – он жив и здоров, работает директором школы в посёлке Хорочи Амурской области.

Теперь приведём некоторые факты из расследования Валерия Айрапетяна.

Первый: «Как велики были мои радость и изумление, когда на сайте Одноклассники.ру я обнаружил действующую страничку 24-летнего Егора Молданова, родившегося 16 ноября 1987 года. Любой желающий может в этом убедиться. Наверяд ли кто-либо убедит Егора удалить страницу, как-никак 276 друзей, фото, нежные признания в любви к жене в статусах... Но, на всякий случай, я сделал массу скриншотов и скачал последние фотографии.

Сначала я подумал, что страницу ведёт тот же Костишин, но когда увидел свежие фотографии с электронными датами на них за 2010/11/12 гг., немного успокоился. Под вывешенными фото, в том числе на фото с друзьями, масса комментариев друзей Егора, там они обсуждают свежие события, поздравляют Егора со свадьбой и с рождением сына 16 марта 2012 года. Возмужавший Молданов стоит на двух ногах, а не на одной, румянец на щеках горит молодостью и здоровьем, а жена Егора Ирина Молданова вскипела ко мне ревнивой ненавистью, когда со специально созданной для переписки с Егором «женской» странички я начал(а) общение с её мужем. Молданов далёк от литературы, работает в транспортной милиции, охотится на глухарей и занимается командным видом спорта. Ему не до литобзоров, интервью, не до скандальных романов Маканина и битв с Карасёвым. К нему это не имело и не имеет ровно никакого отношения. Простой парень с далёкого Севера».

Второй: «Смутные сомнения по поводу всей этой трагедии начали прорастать во мне после того, как никому прежде неизвестный Артур Акминлаус после смерти Егора и не сбавляя оборотов последнего начал с места в карьер участвовать в литературном процессе: брать интервью у писателей, писать рецензии на произведения и переписываться с редакторами журналов и газет. Причём стилистика изложения Артура ровно ничем не отличалась от Молдановской. Тот же подход, тот же рисунок мысли, те же речевые приёмы и даже любимый писатель Шервуд Андерсон – один на двоих...

Где-то год назад Артур добавился ко мне в друзья «Вконтакте» с намерением взять интервью. Я согласился, поинтересовавшись удивительной схожестью текстов Артура и Егора. Артур ответил, что он не Егор, пообещал выслать мне вопросы для интервью, а после удалил из друзей и внёс мою страницу в «чёрный список».

Третий: «Я списался с ребятами, видевшими Егора вживую, накануне литературной премии «Дебют – 2008», которую в номинации «За мужество в литературе» и получил Егор Молданов за повесть

«Трудный возраст». Ребята помнят, что Егора сопровождал всё время мужчина лет сорока, который не отходил от него ни на шаг и очень болезненно реагировал, когда с Егором кто-то пытался заговорить. На все вопросы Егору мужчина отвечал сам, а потом спешно уводил Егора в сторону. Из тех нескольких минут, в течение которых Егор, в отсутствие сопровождающего, общался с молодыми коллегами, последние сделали вывод, что речь Молданова-говорящего никаким образом не вяжется с речью Молданова-писателя, и вообще с речью человека, имеющего какое-либо отношение к литературе и искусству как таковому. Зато после того, как Егор доехал до дома, на ребят обрушился поток писем, в которых детально, обширно и всесторонне он отвечал на те вопросы, на которые не мог ответить там, в гостинице «Юность», вопрошавшим молодым писателям».

В газете «Литературная Россия» № 42 (19.10.2012) известный современный писатель Роман Сенчин в своей статье о скандале с «ожившим» писателем Егором Молдановым опирается, помимо собственных источников информации, на различные другие факты, в том числе и на приведённые в периодической печати.

Роман Сенчин пишет: «Факты для одних могут быть бесспорными, для других спорными. По первому можно заявить: “Чего только в Интернете не бывает”. Я наткнулся (и натываюсь) на нескольких Романов Сенчиных, кажется, вполне реальных людей. И что?.. По второму: Егор оставил Артуру координаты писателей, и Артур продолжил его дело, а стилистическая близость и общность интересов вполне объяснима: братья много общались, и Артур дорабатывал прозу Егора... По третьему факту можно возразить, что Егор, провинциальный парень (быть может, пострадавший в автокатастрофе, точную дату которой мы не знаем), смущался, терялся, и приёмный отец его оберегал. Когда же Егор писал, то преобладался.

Но вот настоящим открытием расследования Айрапетяна я считаю обнаружение в 4-м за 2008 год и 5-м – за 2009-й номерах «Крещатика» повести Анатолия Костишина «Зона вечной мерзлоты» с подзаголовком «Трудный возраст». Она практически один в один совпадает с повестью Егора Молданова «Трудный возраст». И хотя и здесь можно найти оправдания, но вопрос с авторством встаёт, как говорится, в полный рост.

История литературы знает немало мистификаций. Эта (если это действительно мистификация, а не недоразумение), надо признать, довольно удачна.

Хотя когда дело касается мучительной болезни, смерти, то говорить об удаче как-то не получается».

Эту ситуацию газета «Литературная Россия» до сих пор разбирает. Она даже предложила недавно решать своим читателям дальнейшую судьбу этого литературного фантома. В общем, читатели столичной газеты (писатели и простые читатели) решили, что: пусть пишет для газеты и дальше свои критические заметки и статьи. Многие литераторы считают, что этого литературного фантома всё же стоит подпустить к публикации в газете «Литературная Россия». Среди них: Максим Лаврентьев (Москва), Кир Шуров (Костромская обл.), Евгений Минин (Израиль). Против этого, например, Игорь Савельев из Уфы.

Интересно и мнение Ирины Ковалёвой: «Если это была литературная мистификация, которой русскую литературу, да и не русскую тоже, не удивить, то автору ее я бы лично хлопотала о самых престижных премиях, поскольку выдумать такую судьбу такого человека в стольких деталях – редко кому под силу. Одной жизни, пожалуй, только».

Филолог Светлана Яснова, не обсуждая личность настоящего автора повести, считает, что «человек просто решил сыграть в некую жестокую игру, поставить эксперимент – выяснить, по каким основаниям и кто оценивает вообще в нашей отчизне) качество литературных произведений. Почему одна и та же повесть в первом случае остается незамеченной, а вот во втором вызывает такой шквал позитивных оценок? Что изменилось? А изменилась «биография автора». Больше ничего, так ведь? Так что же в таком случае является приоритетным в оценке произведения для тех, кто стоит у литературного «шлагбаума» и управляет им?».

Настоящий автор «Трудного возраста» брал интервью у известных писателей, вступал в литературные дискуссии. И делал это весьма талантливо, иначе с ним бы никто не поддерживал столь активное литературное общение. На это явление обратил внимание писатель Максим Лаврентьев: «Кем бы Вы ни оказались в действительности, это не изменит моего отношения к Вам как к интересному критику и приятному собеседнику. Как мне кажется, я хорошо понимаю всё неудобство ситуации, в которой Вы сейчас находитесь, когда со всех сторон на Вас обрушиваются (и, вероятно, совершенно справедливо) обманутые в лучших чувствах люди. И, однако, я адресуюсь к Вам с настоятельной просьбой: чтобы не случилось, не оставляйте литературно-критического поприща, <...>, Ваш талант был и будет востребован. А за прочее, конечно, вздыхается».

Как отметил писатель, обозреватель «Российской газеты», председатель жюри премии «Дебют» Павел Басинский: «Ситуация с Егором Молдановым, разумеется, печальна, но она несколько не бросает тень на саму премию. Кстати, Молданов получил не премию «Дебют» в какой-то номинации, а лишь спец-приз «За мужество в литературе» – то есть как бы почётную грамоту».

В письме к редактору газеты «Литературная Россия» Анатолий Костишин пишет, что процесс написания «Трудного возраста» для него «был долгим и мучительным», но с каждой страницей он «преображался, молодел, прибавлялось силы и уверенность», поэтому авторство он и передал молодому автору, а не оставил за собой. И далее: «“Трудный возраст” не мог написать тот тридцатидевятилетний педагог, одинокий и сомневающийся в себе. В мире “Трудного возраста”, в котором жили Комар, Тихий, Кузя, Большой Лёлик, места для Анатолия Степановича просто не было и не могло быть».

В этом же письме настоящий автор «Трудного возраста» открыто признаётся «мистификация с Егором Молдановым действительно связана с написанием мной книги. В какой-то момент всё вышло из-под контроля, книга и реальность заблудились. <...>. Я извиняюсь перед всеми, что касается реального Егора, не созданного мной литературного, он живёт и работает. За него не беспокойтесь. <...>. Созданные моим воображением фантомы научили меня тому, что нужно доверять своим чувствам, верить в то, что делаешь, и прислушиваться к себе. Больше фантомов не будет. Будет писатель, будет критик, и у него будет имя и фамилия – Анатолий Костишин. Знаю, многим это не понравится, и они не будут меня читать, другие будут наблюдать, получится ли у него снова войти в одно и то же русло, но будут и третьи...».

Как сказал *Александр Урманов*, заведующий кафедрой литературы БГПУ, доктор филологических наук, профессор, главный редактор литературного альманаха «Амур»: «Возможно, пройдет время, и эта история войдет в энциклопедию литературной жизни. Но не как обычная мистификация. Да, были литературные мистификации и в XIX веке, и в XX. Но это не классическая мистификация – это своеобразный «коммерческий проект», сделанный в духе и по законам нашего времени – когда для достижения своих эгоистических целей человек готов переступить через все нормы морали, через все ограничения».

ПОВЕСТЬ ЕГОРА МОЛДАНОВА «ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ»: ПОБЕДА НАД ЗОНОЙ ВЕЧНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЕРЗЛОТЫ

Душа!
Бумажная душа.
Сгореть должна была в камине,
Но пламя превратилось в иней,
Как будто не было в помине.

Душа!
Железная душа.
Ржаветь должна была в прибое,
Но море высохло на зное,
Хотя не мыслимо такое.

Душа!
Как оттиск, как печать,
Должна была узор оставить,
Но след его поблек на стали,
И он не будет вечность славить.

Егор Молданов

У каждого времени, как и у каждого человека, наверное, есть своя ахиллесова пята, попадание в которую вызывает боль и, одновременно, сопротивление. Тот, кто решается бить в болевую точку, несомненно, не может иначе. Он делает это с мужеством отчаявшегося, у которого нет пути к отступлению.

Ахиллесова пята нашего сегодня – редукция человечности, атрофия способности к состраданию. Это и попадает под прицел молодого автора Егора Молданова в первой его большой книге «Трудный возраст».

После смерти родителей Егор около двух лет провел в интернате. Но впечатлений, полученных Егором в это недолгое время воспитанника интерната, хватило на целую книгу.

В интервью Юлии Климычевой Егор Молданов сказал: «Писать я начал после армии. Накопился определенный жизненный опыт, который просился наружу. «Трудный возраст» – история не лично моя, это история моего детства. Идея написать ее появилась еще до армии, но просто не хватало времени и жизненного опыта. Отец часто рассказывал

о своей работе в детском доме, и мне захотелось это изложить на бумаге. Получилось с четвертой попытки, когда я решил, что буду вести повествование от имени главного героя Аристарха-Сильвера. Отец помогал править книгу – и стилистически и грамматически. Мы много с ним говорили, я записывал его воспоминания на диктофон, а затем писал.

Почему я написал эту повесть? Не хочу, чтобы другие ребята, которые прошли через непонимание семьи, детские дома, другие трудности, совершили те же ошибки, что и я, когда мне было тринадцать-пятнадцать лет. Иногда мне хочется громко крикнуть всем родителям, учителям, даже прохожим: «Господи, ну что вы творите со своими детьми, почему вы настолько невнимательны к их проблемам, которые кажутся вам мелочными и ничтожными?! Почему, взрослые, вы не ставите проблемы ваших детей выше своих?!»

Сотни тысяч беспризорников слоняются по вокзалам, злачным местам, десятки тысяч живут в детских домах и приютах. Алкоголизм, наркомания, подростковая проституция, ВИЧ – это все уже давно коснулось подростка. Суицид, подростковая проституция – это также вокруг него. Кто-то от трудностей жизни, а главное, невнимания взрослых, разуверился в добром и светлом и ожесточился, а еще хуже совершил преступление; кто-то слабее духом свел счеты с жизнью и в предсмертной записке написал: «Я устал от жизни». И такое ощущение, что никто ничего не замечает или не хочет замечать. Государство издает какие-то законы, но когда они дойдут до конкретного подростка, может быть уже поздно, что, кстати, чаще всего и происходит.

Мне не хочется, чтобы какой-то подросток повторил фразу моего главного героя: «Я не трудный – я труднодоступный». Скорее всего, главной задачей при написании книги было, чтобы ребенок, подросток осознал: он в этом мире не одинок, его проблемы решаемы, что настоящая дружба и светлая любовь существуют, что вокруг него Люди и что он – ЧЕЛОВЕК.

Могу с честностью сказать – история, описанная в моей повести, не плод моего разбушевавшегося воображения, эта история достоверная, она имела реальных прототипов. У героев повести есть реальные прототипы – это ребята из первого выпуска отца. Отец этим выпуском очень дорожит. В книге есть элементы моей настоящей жизни, но они раскиданы так мелко, что тем, кто не знает меня, трудно будет определить, где же я настоящий. Я не ставил целью написать автобиографическую книгу.

Большую психологическую помощь при написании книги мне оказал отец, он же и отправил повесть в «Дебют». После того, когда

пять журналов и четыре издательства сообщили, что повесть не входит в их формат. «Трудный возраст» написан для всех, кому небезразлична судьба ребенка».

Егор признавался, что в его жизни был трудный возраст, когда он остался сиротой: «Это было физически и психологически тяжело перенести. Как преодолел? Помог мой приемный отец, он взял меня в свою семью и согрел в ней вниманием и заботой, которых мне не хватало».

Молодой автор считал, что искренность и правдивость, с которой он написал свою историю, «зацепило» жюри «Дебюта».

Сложно точно сказать, насколько повесть «Трудный возраст» автобиографична, критики, да и сам Егор, не устают оговариваться, что это не автобиография, не исповедь автора. Но то, что описанные в ней реалии детдомовской жизни автору хорошо знакомы, не вызывает сомнения, как и то, что за главным героем – «трудным» подростком Женей Тихомировым – Аристархом Сафроновым стоит сам автор. Повествование от первого лица усиливает это впечатление.

Жанр школьной повести и вообще литература для подростков переживают сегодня явно не лучшие времена. То, что пишут современные писатели – взрослые дяди и тети – про современных подростков, далеко от реальности, а их воспоминания о собственном отрочестве нынешним отрокам непонятны, – жизненные реалии, язык, само мышление за последние двадцать-тридцать лет изменились до неузнаваемости. Подросток 70-х и подросток «нулевых» – это совершенно разные существа.

Спасает положение, на взгляд современного писателя Романа Сенчина, «появление в последние годы нескольких юных авторов, кажется, довольно достоверно пишущих о своем поколении. Среди них, этих авторов, и Егор Молданов, автор большой, замеченной и вызвавшей резонанс повести «Трудный возраст».

Повесть жесткая, безжалостная, кому-то она покажется чересчур откровенной, но написанная в первую очередь для тех, кто только вступает во взрослую жизнь, стоит на пороге трудной и опасной дороги. Егор назвал свою повесть «Трудный возраст». Но вероятно, дело здесь, скорее, не в возрасте героя, а в его судьбе. Судьба у него трудная, не позавидуешь.

Мы знакомимся с героем, который представляется нам как Сильвер, когда он находится в Бастилии – колонии общего режима, – где отбывает срок за убийство. Затем узнаем о его жизни до колонии.

«Великие характеры обычно откровенны и простодушны», – писал великий русский поэт А.С. Пушкин. Женя Тихомиров, он же Аристарх Сафронов, он же Сильвер (сколько у главного героя по ходу повести появится имен! – их сменой автор подчеркивает этапы нравственного развития героя), не обладает великим характером. Но в честности, откровенности, искренности и доверчивости его сила. Егор Молданов с достоверностью человека, пережившего подобное, раскрывает внутренний мир непростого подростка.

Женя Тихомиров живет и растет в благополучной, добропорядочной советской семье. Его родители, на первый взгляд вполне воспитанные и образованные люди, – оба представители интеллигентных профессий, да еще живут вместе с единственным чадом в трехкомнатной квартире. Правда, главный герой, от лица которого и ведется повествование, не без иронии говорит на этот счет: «Нам завидовал весь дом, и значимость этого доставляла матери истинное удовольствие». Но чем дальше вчитываемся в повесть, понимаем, что не все так гладко и безоблачно в семье Тихомировых.

Отец оказывается типичным интеллигентом-подкаблучником. Мать – «выбившаяся в люди» черствая женщина, страдающая распространенной болезнью поколения, оформившегося в брежневскую эпоху – боязнью потерять марку добропорядочности и «преуспевания» в глазах окружающих. В ее образе молодой писатель очень ярко, точно и художественно убедительно раскрывает подобный тип людей.

Итак, Женя воспитывается в благополучной интеллигентной семье, его родители приличные люди – так кажется окружающим, но не самому Жене. Взрослея, он замечает, что отец слаб и не может противостоять матери, жестокосердной, грубой женщине с задатками самодура. Постепенно уютный дом превращается для тринадцатилетнего подростка в клетку, а жизнь в нем – в комфортное заключение. Забегая вперед, скажем, что внутренний мир повести организуется замкнутым пространством. Сюжет развивается как цепь переходов героя из одного замкнутого пространства в другое. Сначала – это дом-клетка и школа-Пентагон, затем детский дом, прозванный за форму здания Ключкой, потом Бастилия – колония общего режима для несовершеннолетних, с которой, как отмечено выше, начинается повествование. Именно здесь герой решает написать историю своих злоключений.

Жизнь Евгения Тихомирова, тринадцатилетнего подростка, расписана родителями на лет двадцать вперед: «Школа – на медаль, потом мамин

юридический. К тридцати годам – аспирантура и в придачу жена, обязательно только из приличной семьи, в сорок – докторантура». От Жени требовалась сущая малость – безмолвное подчинение воле заботливых родителей: «У них на все был железный аргумент: мы же тебе добра хотим».

Неизвестно, как бы сложилась судьба главного героя в дальнейшем, если бы он случайно не узнал главную семейную тайну, тщательно скрываемую от него. Наткнувшись на документы о своем усыновлении, Женя узнает, что он не родной сын людям, в семье которых живет, и ему становится понятны многие поступки родителей.

Очень рано Женя понял, что с рождения не свободен: «Меня заставляли быть не таким, какой я есть на самом деле». С момента, когда он узнает главную семейную тайну, тщательно скрываемую от него, о том, что он усыновлен, начинается его освобождение – так, во всяком случае, видится герою. Конфликт между ним и родителями растет, все меньше шансов остается для взаимопонимания и примирения. Когда же он достигает критической точки, его, якобы из педагогических соображений, выгоняют из дому.

Максим Свириденков (газета «Литературная Россия») пишет: «Усыновителям не нужен строптивый сын, который не хочет поддаваться их системе воспитания. Когда конфликт доходит до высшей точки, они выбрасывают его вон из дома: пусть почувствует разницу, а, почувствовав, вернется домой уже другим человеком. И мы понимаем, что если Женя, с этого момента повести начинающий себя называть Аристархом (такое имя было у него до усыновления), вернется, то он уже будет морально сломлен».

Сюжет повести закручивается, как по спирали, и чем дальше, тем спираль круче – и выпрямить ее уже становится невозможным.

Женя Тихомиров исчезает, вместо него появляется Аристарх Сафронов (именно такое имя было дано ему при рождении). Смена имени, безусловно, знак. Знак перехода в иное качество, начало самодентификации и начало нового жизненного этапа. Увы, для тринадцатилетнего подростка это было концом детства. Уйдя из дома, он испытывает все ужасы, которые может испытать бездомный, брошенный ребенок.

В некоторые моменты повести «Трудный возраст» не хочется верить. К примеру, когда родители – «усыновители» выгоняют сына из дома. Выбрасывают как разонравившуюся собачку. Видите ли, он не оправдал их надежд – не стал членом «приличной семьи».

Мальчик идет к знакомым взрослым за помощью, но те дружно от него отворачиваются, твердят «возвращайся домой», – они безоговорочно верят его родителям, что Женя сам убежал из дома, что это он во всем виноват. Женя отвечает им тем же – недоумение и обида перерастают в ненависть.

Он находит приют у такого же изгоя – одноклассника Валеры Комарова, живущего с отчимом (родители погибли).

Профессор кафедры литературы БГПУ Светлана Игоревна Красовская в замечательной рецензии на книгу «Трудный возраст» пишет: «Страшно представить, что еще могло произойти с героем, не случись в его жизни настоящей дружбы. В минуту отчаяния, когда он был на волосок от самоубийства, его спас одноклассник – Валерка по кличке Комар, которого все в классе считали «вырезанным аппендицитом». Оказалось, что у подростков за плечами одинаковая драма сиротства, бездомности и насилия».

Дружба стала спасением для обоих, и они мгновенно это осознали и оценили: «Это была внезапная, безоглядная дружба, в которую, кроме нас, никто не верил. В ней искали грязные подтексты, да и мы сами порой не верили, как между нами может разгореться то светлое чувство мальчишеской дружбы, согревшее наши замороженные сердца. Жизненные обстоятельства столкнули нас лбами и высекли искру взаимопонимания, и мы потянулись друг к другу, как слепые котята, понимая, что только вместе сможем противостоять тому большому миру, в котором мы вынуждены были жить. До Комара я думал, что можно прожить без дружбы, после него я понял: дружба – это прекрасно, что все остальное прекрасно, что все остальное не имеет значение».

Собственно говоря, и вся книга Егора Молданова во многом повесть о дружбе, хотя в целом ее содержание гораздо шире. Так герои разделили страдание друг друга и начали поход из клетки эгоизма, из замкнутого круга собственной обиды в широкое поле сострадания ближнему, которое и есть пространство внутренней свободы. Но свобода никогда и никому не дается легко и дешево, за нее приходится платить. Женя-Аристарх неожиданно для себя превращается из благополучного, тихого мальчика-отличника в школьную «притчу во языцех». Это вызывает у него недоумение и друг объясняет: «Теперь ты перестал быть тем Тихим, к которому они привыкли: забитым, молчаливым, ни во что не вмешивающимся. Нас в Пентагоне учат трем вещам: молчать, стучать и не иметь своего мнения. Ты не стучишь, ты перестал молчать, стал подавать свой голос – кому это понравится?».

Герои «Трудного возраста» не могут жить по таким правилам, поэтому их и стараются коллективно «защморить» (другое литературное слово здесь будет, наверное, неуместно). Но Комар и Аристарх уже не могут слиться с общей серой массой. «Мы те, кто есть, хотя не всегда это себе представляем», – говорит нам автор через своего героя Комара.

Нечто подобное встречается и в повести Владимира Железникова «Чучело». Там весь класс объявляет дружный бойкот своей однокласснице – «Чучелу», предательнице Ленке Бессольцевой, роль которой великолепно сыграла юная Кристина Орбакайте.

«У каждого из нас есть свой ад. Одни с ним смиряются, другие сражаются, третьи делают вид, что им все фиолетово. Все зависит от человека», – утверждает тринадцатилетний Женя-Аристарх. Но герои Егора Молданова сильны своей искренней дружбой. Вдвоем им ничего не страшно, у них есть силы, чтобы преодолеть, как им кажется, любые трудности и неприятности.

Показывая травлю, которую одноклассники, раздраженные дружбой парней, устраивают Комару и Аристарху, Молданов очень живо рисует перед нами школу периода горбачевской перестройки. Воспроизводя неприглядную модель отношений между учителями и учениками, учеников между собой, молодой автор выходит к художественному обобщению: семья, школа таковы, каково общество. Несвобода – его закон. Поэтому любое проявление свободы, инаковости воспринимается как нечто априори враждебное, как посягательство на безопасность. Выжить в мире стандартов, сохранив личное достоинство и честь, оказывается нелегко.

Через несколько месяцев происходит процесс разусыновления, и Женю Тихомирова (он возвращает себе фамилию Сафронов и данное при рождении чудное имя Аристарх, из-за которого в дальнейшем претерпевает множество насмешек, издевательств) отправляют в спецприемник, откуда должны увезти в детский дом. Туда же попадает и Комар – его отчим свел счеты с жизнью, и он вновь оказался круглым сиротой.

Читаешь повесть и мысленно возвращаешься к тому моменту, когда мама – «усыновительница», после очередного и, как оказывается, мнимого проступка Жени, говорит ему, открыв дверь: «Уходи, неблагодарная свинья! Видеть тебя не хочу!».

И это не пустая угроза, а твердое решение. И даже когда покинувшись по городу несколько дней, мальчик возвращается домой,

отец -«усыновитель», привыкший во всем соглашаться с женой, не пускает его в квартиру. Он «посмотрел на меня чужим, отсутствующим взглядом. Так, словно мы уже много лет не виделись, и теперь он мучительно пытается вспомнить, как меня зовут.

– Кто там? – спросила из кухни мать.

– Ошиблись квартирой – отец посмотрел на меня и закрыл дверь».

Именно в тот момент Женя и становится круглым сиротой Аристархом. Вскоре, сломав ногу, вместо клички Тихий получает другую – Сильвер. Учится драться, заставляет себя быть безжалостным и агрессивным, не доверять взрослым и их миру.

Мир взрослых показан в повести неприглядно. Оказавшись на улице, Женя Тихомиров идет к своему дяде, с которым у него были всегда дружеские отношения, но тот не пускает мальчика к себе пожить. Меняется отношение к Жене и у учителей – все винят только его в том, что случилось. Даже спортивный тренер не проявила участия к проблеме мальчика, в одночасье ставшего изгоем. На первый взгляд, не очень правдоподобное единство. Но нужно знать порядки маленьких городков, а именно в таком происходит действие первой части «Трудного возраста». Родители Жени «шишки», мать – известный юрист, и проявить жалость и участие к выброшенному на улицу мальчику-подростку, заступиться за него, начать выяснять, что произошло, значить стать врагом его родителей -«усыновителей». Да и большинство взрослых просто не могут допустить мысли, что такие уважаемые люди просто взяли и выставили за дверь ребенка.

Не случайно, что в Ключке, где порядки почти тюремные, у героя находится больше защитников среди взрослых, да и вообще отношения там более человечные, чем в элитном классе «А», где тихо-мирно учился Женя Тихомиров («говорящая фамилия!»), пока не стал отщепенцем.

Жизнь подбрасывает героям новые испытания – они попадают в детский дом – Ключку.

Вторая часть повести начинается с того, что Аристарх и Комар попадают в детский дом. Четырехэтажное здание этого сиротского учреждения с высоты напоминает букву «Г», и поэтому его обитатели дали детскому дому звучное наименование «Ключка». В этой части книги автор подробно, в деталях, жестко и откровенно описывает быт и порядки детского дома. О реалиях детдомовской жизни Егор Молданов знает не понаслышке. Он сам после смерти родителей почти два года прожил в интернате. Но необходимо оговориться: перед нами не автобиография Егора, как об этом писали в некоторых изда-

ниях, не исповедь автора, а художественное произведение, где судьба главного героя выстраивается из осмысления и обобщения биографий нескольких разных людей. Кроме того, сам Егор Молданов оказался в интернате в начале 2000 года, когда в стране уже была относительная стабильность и какой-никакой порядок, в том числе и в подобных детских учреждениях. А в повести «Трудный возраст» описываются быт и порядки детского дома начала 90-х годов. Автор изображает все это откровенно и без прикрас. Так без прикрас описана и детдомовская дедовщина, не уступающая армейской.

Такое произведение нелегко читать, и одновременно это чтение по-настоящему затягивает, потому что в повести наблюдается не просто констатация фактов, а художественное осмысление, сочетающееся с незаурядным сюжетом и сильными характерами героев.

За конкретикой описания детдомовской жизни начала 90-х годов прочитываются характерные черты этой очень непростой и неоднозначной реалии нашей жизни. Вот что пишет по этому поводу С.И. Красовская: «События, описанные в повести, происходят в начале 90-х годов прошлого века. Так случилось, что мне в это же время выпало учить русскому языку и литературе ребяташек (пятиклашек) – воспитанников одного их детских домов. Случалось и проводить с ними беседы, заходить к ним «домой», встречаться с воспитателями. Никогда не забуду этих детей – они называли свой дом «замком», люто ненавидели его порядки и страстно хотели вырваться оттуда, ведь среди них были лишь единицы настоящих сирот, все остальные содержались там при живых родителях. У каждого была своя драма. Без прикрас описанная в повести жестокая детдомовская дедовщина заставила и меня вспомнить ряд грустных эпизодов. Вспомнить не без чувства вины, потому что понимаю, что мы, взрослые, спасаясь от мук сострадания, порой бывали слепы и глухи».

Герои «Трудного возраста» Комар и Сильвер противостоят устоявшейся в «Ключке» системе подчинения слабых сильным, получившей название «командорство». Естественно, что у такого противостояния не может быть счастливого исхода. Гибнет Комар, второй по значимости герой повести, а тихий, когда-то безропотный Женя Тихомиров, получивший в конце произведения боевое «погоняло Сильвер» за свою хромоту, убивает «командора» Ключки Шуку, отомстив, таким образом, за гибель друга. В этот же момент в пожаре гибнут еще несколько человек. Сильверу дают два года колонии, где по совету «училки по литературе» он и пишет свои «мемуары».

Казалось бы, можно на этом поставить точку. Зло, представленное в «Трудном возрасте» образом воспитанника по кличке Щука, наказано, справедливость восстановлена, на сколько это возможно в сложившихся обстоятельствах. Пожалуй, Ключку теперь ждет даже более светлое будущее.

Максим Свириденков считает, что «талант Егора Молданова как писателя именно в том, что он не идет по шаблону. Концовка повести «Трудный возраст» и является его кульминацией».

Ему вторит и Светлана Красовская: «Апокалипсический финал повести – безусловно, сильное место. Это и кульминация, и развязка произведения. И получился он выпуклым, сжатым, предельно искренним, а потому и потрясающим читателя. Большая победа автора (думаю, это самое точное слово) – нравственный переворот, произошедший в душе главного героя в самый острый, трагический момент его жизни. Ему удалось превозмочь в себе ненависть. Ему удалось простить. И это настоящее освобождение и от «командорства», и от Ключки, и от страха. Это такая чаянная им, но в то же время неожиданная, пришедшая не оттуда и не тогда свобода».

Аристах Сафронов, он же Сильвер внутренне понимает, что принцип «око за око» – это гибель его как ЛИЧНОСТИ, которую он всячески старается сохранить в себе. Главное для Аристарха – не породить в себе дракона, не стать таким, как Щука.

Повесть «Трудный возраст» проста и незамысловата и в плане композиции, и системы персонажей, и художественных средств. Читателю не надо ломать голову над хитросплетениями сюжета, загадками характеров, их оценками – обо всем позаботился сам автор, раскрасив свой мир в черно-белый цвет, раздав своим героям звучные имена-«погоняла»: Сильвер, Комар, Щука, Пенелопа, Большой Лелик, Кузнецик, Айседора, Железная Марго, Матильда и т.д. Перед читателем-зрителем кадр за кадром разворачивается драматическая история жизни главного героя – история борьбы за право быть собой, за свободу.

Повесть «Трудный возраст», очевидно, задумана автором таким образом, что читатель в начале встречает героя, уже прошедшего сквозь испытания, а рассказ о них дается в ретроспективе – герой, как и сам автор, пишет о них книгу. Начало и конец, таким образом, композиционно должны сомкнуться друг с другом. Точкой смычки является герой.

Искушенный читатель может найти в «мемуарах» Сильвера немало погрешностей. Но, на взгляд Романа Сенчина, «они умышленно созданы автором (повествование в рассказах о БАМовском поселке

Новый мир написано Молдановым совсем иначе), чтобы предельно стилизовать «Трудный возраст» под человеческий документ. Наверное, во многом благодаря этому, прочитав первые пять-семь страниц, от повести уже невозможно оторваться»

Светлана Красовская обратила внимание на некоторые стилистические недостатки «Трудного возраста»: «Но есть на первых страницах повести (да и не только на первых) что-то такое, что мешает это почувствовать как правду. «Мое погнало Сильвер», – представляет себя читателям герой. Может ли так говорить переродившийся герой (именно таким мы видим его в конце повести)? Весь строй его речи выдает в нем «старого», обиженного на всех – на родителей, других взрослых, на судьбу вообще – Женю Тихомирова. Проблема «точки зрения» для автора, очевидно, относится пока к числу трудноразрешимых. Над этим, видимо придется еще поработать. Отсюда некоторые стилистические огрехи и порой излишняя категоричность оценок, прямолинейность выводов, гневный, взыскующий тон повествования, не всегда, но в основном, черно-белое изображение событий и персонажей». Но здесь же она и хвалит писательский талант Егора Молданова: «Все это вступает в противоречие с точным, психологически достоверным, а потому правдивым, потрясающим читателя финалом, где торжествует пафос не суда и взыскания, но любви и сострадания всех ко всем».

Максим Свириденков также считает, что «стилистически в произведении не все выверено столь мастерски, как этого требует планка, поставленная содержанием повести». Но тут же оговаривается: «Подобные вещи очень быстро приходят с опытом, да и хороший редактор смог бы это выправить за пару дней без особого труда. Гораздо важнее, что через изображение жизни нескольких семей, школы и детского дома в маленьком провинциальном городке Егор Молданов сумел отразить многие болезни современной России. Это и ханжество, и безучастная «непричемность» большинства населения, и диктатура быдла, которая сегодня проявляется даже в начальных классах обычных школ. Но самое главное, что, обозначая проблемы, автор показывает, что с ними можно и нужно бороться, и рисует живые и точные портреты простых людей, которые сумели отважиться на это».

Главный герой повести «Трудный возраст» так и говорит: «Я научился не бояться и не дрожать на морозе, потому что мы жили в зоне вечной человеческой мерзлоты». Но Егор Молданов идет дальше своего героя, он говорит своей книгой, что эту мерзлоту можно победить.

Повесть «Трудный возраст» затягивает динамичным сюжетом, остротой конфликтных ситуаций, напряжённым действием, привлекательностью характеров главных героев, сопереживанием им. Это захватывающее по композиционному построению произведение, хотя читать его трудно, потому что слишком страшные картины описывает автор. Но такие произведения нужно читать. Над такими произведениями нужно напряженно думать. У таких произведений необходимо учиться.

Тема внутреннего подвига души и тема борьбы за свое «я» главная и доминирующая в повести. Герои «Трудного возраста» совершают ошибки, иногда болезненные для других людей. Поняв это, они накапливают опыт нравственного и духовного взросления, то есть «уходят из детства». Егор Молданов призывает читателей к раздумьям и душевной работе, к сомнениям в себе, вниманию к окружающим. А молодым людям эта книга поможет разобраться в сложных, порой даже экстремальных ситуациях, и решить трудные вопросы: что такое справедливость, как различать добро и зло, и главное, как разобраться в том, какой ты сам.

Критикой многократно отмечалось то, что герой-ребенок и герой-подросток за минувшее десятилетие стал одним из главных в современной прозе. Детство как переживание и самочувствие стало одной из актуальных тем. Само собой сложилось, что сразу четыре значительных события 2009 года оказались объединены одной темой – *темой сиротства и казенных домов для ничейных детей*. Кроме «Трудного возраста» Егора Молданова, 2009 год принес «Крещенные крестами» Эдуарда Кочергина (петербуржец, главный художник Большого драматического театра, один из мало известных, но признанных знатоками классиков современной прозы, лауреат «Национального бестселлера» 2010 года за названное произведение) и «Дом, в котором...» Мариам Петросян (проживает в Ереване, художница и в прошлом мультипликатор, за указанное произведение получила в 2010 году «Русскую литературную премию»).

В русскую словесность герои этих писателей пришли одновременно. Увечные подростки Мариам Петросян – вот здесь важно, что все они – «колясники» и полукоматозники, безногие, безрукие – искорененные обитатели Дома, от которых собственного спокойствия ради отказались родители. При живых родителях «госовские», то есть государственные, казенные жители приюта под названием «Ключка» – это у Молданова, тоже изувеченные жизнью в прямом и переносном смысле.

Они же – «пацаны, шкеты, козявы и колупы – «дэпэпэшники», малолетние отпрыски «врагов народа», население сталинских детприемников, как у Кочергина. В общем, все, о ком написал неведомый гений сиротского фольклора, вынесенный в эпитаф «Крещенных крестами»:

*Я не мамкин сын,
Я не тятькин сын,
Я на елке рос,
Меня ветер снес.*

И даже вышедший в 2009 году русский перевод «Условно пригодных» норвежского писателя Питера Хега как будто вписался в некую отечественную парадигму: место действия – еще одно «кукушкино гнездо», частная школа для трудновоспитуемых, полуприют, полуэлитарное заведение, в котором проводится тайный эксперимент по превращению «условно пригодных» членов общества в «безусловно пригодных». Все остальное тоже узнаваемо – авторитарные воспитатели, одиночество и страх. Узнаваемы и герои – подросток-сирота с диагнозом «отставание в развитии», юная психопатка, мать которой покончила с собой, и малолетний убийца собственных родителей.

Совершенно неважно, когда и где что происходит: при Сталине, при Путине – Медведеве, в ирреальном пространстве Дома, в Норвегии начала 1970-х годов. Мироощущение брошенного ребенка остается некоей постоянной величиной отечественной реальности.

Мотив сиротства и раньше присутствовал в современной прозе как символ культурного разрыва, отсутствия культурной преемственности. Несколькими годами назад это наиболее четко выразил молодой писатель Захар Прилепин словами героя своего романа «Санька»: «Мы – безотцовщина в поисках того, чему мы нужны как сыновья».

Герой-ребенок-сирота (ребенок от которого отказались родители, сдав его в «дом, в котором...») – еще и постоянный герой прозы Алексея Лукьянова («И вот решил я убежать...», «Жестоккрылый насекомый»), заявившего о себе несколькими годами позже. Рассудительный не по-детски Элэм из рассказа «И вот решил я убежать...» и его друзья из детприемника, среди которых есть и сиамские близнецы (все, как у Петросян), очень легко бы прижились в «Доме, в котором...».

А если мы вернемся к новейшим текстам, то нить, соединяющая внешне несоединимое, все же была протянута. Одна из первых, и на

взгляд О. Лебедушкиной (журнал «Дружба народов»), лучших рецензий на роман Мариам Петросян принадлежит именно Егору Молданову – «Парадоксы «Дома, в котором...».

То, что бывший детдомовец, написавший, если не полностью автобиографическую, так, по крайней мере, претендующую на роль реалистической историю, опознал «Дом, в котором...» как «свое», очень симптоматично. Практически все рецензенты единодушно отмечают, что Дом Петросян – отнюдь не реальный специнтернат, и реальность подобных заведений куда как жестче и вовсе не обладает той зловещей, но чарующей таинственностью, которая присуща Дому.

Тем не менее «Ключка» из «Трудного возраста» чем-то его напоминает. Наверное, в первую очередь особой атмосферой чудесного, которую способно создать одинокое детское воображение, даже если это чудесное имеет явно злую природу. Кроме того, в обоих случаях описывается мир детей, сиротство которых является постоянной величиной их жизни. Это еще одна детская мечта и одновременно один из детских страхов. Немногочисленным взрослым вход на детскую территорию не то чтобы совсем воспрещен, но значительно ограничен. «Хорошие» взрослые, в конечном счете, оказываются бессильными помочь тем, кто в беде, или не успевают спасти, будь то Лось или Ральф из «Дома, в котором...», Большой Лелик или Железная Марго из «Трудного возраста».

По большому счету, и мир «Дома, в котором, и мир «Ключки» – это мир детей, отказавшихся от взрослых, которые отказались от них. Сиротство в его новой разновидности – не следствие утраты, а результат отказа, как происходит с Лордом или Кузнечиком-Сфинксом у Петросян, или «разусыновления», как в «Трудном возрасте».

Размышляя над темой сиротства в указанных произведениях, О. Лебедушкина приходит к следующему выводу: «Сам по себе этот последний сюжет выдает в авторе кого угодно, но не реалиста. Уже процедура «разусыновления» премного ребенка выглядит чрезвычайно наивно, и в жизни так дела не делаются, достаточно спросить любого работника опеки. Но в этом и состоит художественная сила – детское архетипическое, темное пробивается в этой истории на поверхность. Типичный детский страх «мои родители – на самом деле не мои» умножается на предательство: «усыновители» отказываются от ребенка просто потому, что он не оправдал их надежд. В этом отношении герои Молданова и Петросян сближаются еще больше: и тех, и других предал взрослый мир, и они обустроились в своем: и те,

и другие не хотят в «наружность», оставаясь кто за серыми стенами Дома, кто – за тюремной стеной. Им некуда хотеть и не к кому возвращаться. Молдановскому герою от этого еще больно, героям Петросян – уже нет. Тот, кого забирали в предательский мир взрослых, будет во что бы то ни стало стремиться назад, как Лорд из «Дома, в котором...».

Здесь главное отличие обеих историй от невыдуманных «записок на коленках» Эдуарда Кочергина. У его рассказа история прямо противоположная – тоже о сиротах при живых родителях, но это истории «бегов». Собственно, вся книга Кочергина – один невероятный рассказ о совсем крохотном ребенке, «только-только вылупившимся из козявной палаты», гулаговских яслей, он бежит через всю страну из Сибири в родной Питер, к матке Броне, у которой его отняли и которую отняли у него. Можно сказать, что книга «Крещенные крестами» – это эпос возвращения к матери, воссоединения с домом, родом, крестными и тетками, родным языком, родными местами.

В основу романа легли воспоминания автора о послевоенных годах, когда он сбежал из омского приюта для детей «врагов народа» домой, в Ленинград. Роман стал продолжением автобиографического сборника «Ангелова кукла». Это ни в коей мере не развлекательная и не «популярная» литература. Роман охватывает период с 1945 по 1951 г. – именно столько понадобилось главному герою для того, чтобы добраться до Ленинграда, где находилась его мать, полька, осужденная за «шпионство». Главный герой – подросток, оттого и мысли, впечатления и эмоции, которыми наполнена книга, временами кажутся детскими, а временами – не по годам зрелыми. С трудом верится, что на долю одного ребёнка могло выпасть столько опасных переживаний, и всё же так оно и было. Примечательно, что Кочергин дополняет книгу фотоматериалами, схемами тех железных дорог, по которым он добирался к матери. Автор с точностью ставит акценты, показывая, как именно формировался характер взрослого человека в ребёнке, пустившемся в опасное путешествие.

Название книги – «Крещенные крестами» – старинное выражение сидельцев знаменитых русских тюрем-«крестов», некогда бывшее паролем воров в законе, в соседи к которым в сталинские годы сажали политических.

Поразительно, что ни у Петросян, ни у Молданова никто не бежит. Ходят и возвращаются. Потому что некуда бежать. И они, отчасти, боятся потерять и это место, ставшее их Домом.

Юрий Серов, начинающий писатель из города Орска дает свою оценку «Трудного возраста»: «Повесть получилась настоящей амальгамой –

сплавом ртутно-металлической реальности, рассказывающей о дружбе двух мальчишек – Комара и Сильвера, прозванного так за хромоту. Дружба, начавшаяся в школе и продолжившаяся в детском доме, на Ключке. Дружба, которая не закончилась даже со смертью Комара.

Что понравилось – это описание школы и самих школьников. Мало кому удаётся с такой точностью передать нравы, реплики и повадки молодого поколения, запертого в стенах образовательного учреждения. То, что творится в российских школах, ужасно, и Егор не побоялся об этом сказать. Передал, потому что всё видел собственными глазами. Знаете, наверное, немногие из нас школу вспоминают с радостью.

Тем не менее, на фоне всего этого ужаса и начинают зарождаться отношения друзей. Выброшенный приёмными родителями на улицу, словно щенок, Сильвер ищет пристанища у разных людей: у знакомых, у тренера, но находит его у Комара, одноклассника, который предлагает пожить с ним. Продолжая общение, друзья сближаются и стоят друг за друга горой, не боясь противостоять врагам. И даже когда попадают в детский дом, они по-прежнему единая сила.

«Трудный возраст» – сильная книга, и сила её в том, что друг может стать для тебя всем. «Комар для меня и мать, и отец, и брат», – говорил Сильвер. Хорошо, когда друг заменяет всех, но очень хотелось бы, чтоб родители не бросали своих детей на произвол судьбы, даже если они приёмные. Каждому человеку хочется капельку тепла, и её так легко подарить.

Любите литературу, друзья».

Подытоживая размышления о книге молодого автора можно сказать, что Егор Молданов взял вроде бы уже давно затертую нашими средствами массовой информации тему, но это все публицистика и статистика, не имеющие никакого воздействия. Так честно и открыто о детских домах и судьбах их воспитанников в нашей постсоветской литературе не писал никто. И замечательно, что Егор сделал это в столь юном возрасте. Все задуманное он сумел показать достоверно, без морализаторства и особых художественных изысков. В этом ценность и уникальность книги. Она будет понятна всем и всегда.

«Трудный возраст» Егора Молданова – вещь необыкновенной силы, дающая читателю столь же интенсивный импульс сопереживания, как и астафьевская «Кража», и потрясающей откровенности, не оставляющей сомнения в искренности автора.

РАССКАЗЫ ЕГОРА МОЛДАНОВА: ПОДЛИННАЯ СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЖИЗНЬ

*Рука
Тронет лицо слегка.
Глаза...
Вдруг промелькнет слеза.
Слова...
Их принесет молва.
Душа
Тихо замрет, не дыша.
Мечты,
Там лишь остались следы.
Ты...
Но сожжены мосты.*

Егор Молданов

Главный редактор литературного альманаха «Амур», выпускаемого Благовещенским государственным педагогическим университетом, А. В. Урманов (заведующий кафедрой литературы БГПУ) так определил значимость и ценность публикаций Егора Молданова на страницах этого издания: «Публикация произведений Е. Молданова в нашем альманахе – событие неординарное. И дело не только в том, что автор, сравнительно недавно начавший свой путь в литературу, добился уже впечатляющего успеха, став финалистом независимой литературной премии «Дебют–2008», ее лауреатом в номинации «Мужество в литературе». Значимость этого события определяется, в первую очередь, качеством публикуемых рассказов».

Действительно, рассказы Егора Молданова из весьма редкого в наше время разряда произведений, которые не оставляют читателя, конечно, не потерявшего способность сопереживать, равнодушным. Это происходит, видимо, потому, что автор и сам пропускает то, что пишет, через сердце. Рассказы написаны рукой вполне сложившегося, самобытного художника, который идет не от стандартных, ожидаемых схем, а от самой жизни, от подлинной нашей российской, глубинной реальности. Так что ждать благостных, идиллических сюжетных развязок не приходится. Кого-то из читателей это, возможно, разочарует, но что поделаешь...

Даже в сравнении с повестью «Трудный возраст» рассказы, вошедшие в цикл «Старикам здесь не место», – восхождение, новая ступень творческой зрелости. В них есть главное – оригинальные жизненные истории и судьбы, яркие характеры, неповторимый, узнаваемый стиль.

На страницах литературного альманаха «Амур» опубликовано два произведения из цикла «Старикам здесь не место»: рассказы «Руки старика Митрофанова» и «Быть Аннетой».

Цикл «Старикам здесь не место» начинается с небольшого авторского пояснения, на наш взгляд, не оставляющего надежды на какой бы то ни было положительный исход описываемых событий. Приведем его полностью.

«Леспромхозовский поселок Большая Яма переименовали на Новый мир в середине семидесятых строители БАМа. Жизнь в поселке изменилась до неузнаваемости. Вместо деревянных, перекошенных, вросших в землю хибар выросли пятиэтажные панельные дома. Появились школа, больница, ТОЦ(торгово-общественный центр), железнодорожный вокзал. Звероферма имела свой павильон на ВДНХ и гремела на весь СССР. Вместе с девяностыми пришло запустение и упадок. Молодежь после школы уезжала с мыслью больше не возвращаться. Новый мир постепенно превращался в поселок-призрак. Двухэтажные дома безлюдели и дичали. Один из кварталов с горькой шуткой называли Бич-градом. Население катастрофически уменьшалось. Возвращались только те, кто не сумел зацепиться в городах, найти работу. Вернувшись, они постепенно спивались от безысходности и безработицы. Не уезжали только старики, потому что некуда было им податься, хотя старикам здесь было не место».

Первый рассказ, «Руки старика Митрофанова», несомненно, лучший в цикле. Главная удача молодого автора – образ центрального персонажа, его драматическая судьба, избранная им неожиданно, способная ужаснуть читателя, и при всем том, наверное, единственно возможная в данной ситуации, форма стояния перед жестокими людьми и жестокими обстоятельствами. Точнее – форма защиты своей души, своей сущности, самого себя как личности. Человек удивительно тонкий, ранимый, мягкий, несущий своим ученикам свет высоких идеалов, щедро дарящий им свое душевное тепло, вдруг решается на крайнюю меру – добровольно принимает физические страдания, жертвует своей плотью ради спасения души, духа.

Последнее время участились случаи жестокого обращения с педагогами со стороны родителей. Это случай и в Санкт-Петербурге и в Красноярске.

Была проведена на эту тему программа А. Малахова «Пусть говорят». Но проблему насилия над учителями Егор Молданов поднял в своем рассказе «Руки старика Митрофанова» несколько раньше.

До произошедших трагических событий герой рассказа – Алексей Митрофанов – работал школьным учителем в одной из поселковых школ. «Он был единственным сыном у матери, которая души не чаяла в своем мальчике, и неудивительно, что сын пошел по ее стопам, став учителем литературы», – пишет автор. Он очень быстро завоевал уважение и любовь учеников, что не нравилось администрации школы и многим учителям, особенно пенсионерам.

«Со своими учениками Митрофанов проводил целые вечера, гуляя по окрестностям, или до самых сумерек засиживался в мечтательной беседе на школьном крыльце. При этом рука учителя протягивалась то к одному, то к другому из мальчиков, глядя их спутанные волосы или касаясь плеча. Голос учителя становился мягче и певуче, в нем слышалась ласка. Он добивался послушания не суровостью, а мягкостью».

Конфликт возник тогда, когда Митрофанов поставил по своему предмету вполне заслуженную четвертную оценку «удовлетворительно» внучку завуча школы – Инны Петровны. Это событие породило акцию по уничтожению молодого перспективного педагога. Митрофанова обвинили в низменном отношении к мальчикам-ученикам.

«Слова, срывавшиеся с отвислых губ ученика, складывались в дикие, гнусные обвинения. <...>.

Скрытые, смутные сомнения относительно молодого учителя, умело посеянные кем-то в поселке, мигом переросли в уверенность.

Дрожащих подростков с пристрастием допрашивали в кабинете директора школы.

– Да, он клал мне руки на плечи, – говорил один.

– Он часто гладил мои волосы – говорил другой».

Произошло невероятное – отец ученика, которому Митрофанов поставил «тройку» принялся избивать опешившего учителя прямо в кабинете директора, на глазах учеников. Никто не встал на защиту оболганного Митрофанова. «Ученики с криками отчаяния метались по двору», «зоотехник неистово избивал учителя, пиная его ногами», «бабушка-завуч нравоучительно приговаривала: «Так ему и надо», у «пожилой директрисы даже мысли не возникло стать на защиту молодого учителя», «она равнодушно наблюдала за происходящим».

Одна из самых сильных в рассказе – сцена, в которой героя ведут на казнь, распинают. Она, несомненно, спроецирована автором на

Голгофский сюжет. Митрофанов не прячется от своих палачей, не просит о пощаде, он принимает уготованные ему муки и унижения по-христиански кротко. И в этом внешнем смирении героя – признак победы внутренней, духовной. «Митрофанова в белой рубашке вытолкали на улицу. Заморосил дождь. Зоотехник, ухмыляясь, накинул на шею учителя веревку, и как скотину его повели через весь поселок. Привели к школьному стадиону и привязали к футбольной стойке ворот, и снова унижали и били руками, ногами, бросали в него камни и комья грязи. И только когда истязатели ушли, учитель Митрофанов опустился на корточки, и в кромешной дождливой темноте раздался вопль – страшный, протяжный крик страдания и боли, крик брошенной умирать раненой птицы.

Его отвязала учительница физики, она шла за толпой пьяных мужиков, и, когда они, наконец, перестали казнить свою жертву, бросили ее, она несмело подошла к воротам, обняла избитое, истерзанное тело Алеши и начала его целовать. Она положила на свои колени голову любимого и гладила по волосам, приговаривая что-то нежное и ласковое, а дождь никак не хотел остановиться».

Фразу «... а дождь никак не хотел остановиться» можно понимать двояко: природа оплакивает безвинно пострадавшего человека, и она же своими слезами в виде дождя стремится омыть, очистить внешне и внутренне истерзанного Митрофанова от скверны людской ненависти и жестокости.

Но учителя Митрофанова не смогли сломить, не смогли заставить изменить самому себе, вести себя с детьми так же, как другие учителя этой школы – то есть подавлять, унижать, относиться без уважения, без любви. Он вышел победителем, даже заплатив такую непомерно страшную цену за свою личную победу.

«Все были уверены, что больше учитель Митрофанов в школе не появится, но он пришел, как всегда, в белой отутюженной рубашке, галстук и темных брюках.

Среди урока в класс ворвались директриса, зоотехник и взбешенная Инна Петровна.

Митрофанов открыл портфель и хладнокровно вытянул оттуда топор.

– Не подходите ко мне, – произнес тихим, сдавленным голосом учитель, отчего слова его казались еще страшней.

Он был доведен до отчаяния, после которого человек считает, что ему уже нечего терять, и потому становится спокойным и даже равнодушным к происходящему. В классе оцепенели.

– Если вы считаете, что мои руки могли нанести вред им, – Митрофанов указал рукой на перепуганных детей, – пусть тогда их у меня не будет! – В глазах учителя стояли слезы, скулы нервно подрагивали, а мышцы рук и шеи, казалось, вот-вот лопнут от напряжения.

– Не устраивайте нам здесь концерты, – злобно фыркнула Ирина Петровна.

Обезумевшие глаза учителя посмотрели на завуча, он поднял правой рукой топор и ударил им по левой руке. Кровь брызнула не только на письменный стол, но и на тетрадки, книги, лица учеников, сидящих за первой партией. В крови был и ученик, из-за которого все это и заварилось.

Когда Митрофанов снова поднял топор, на него бросился зоотехник, свалив на пол. <...>

Митрофанов с окровавленной рукой поднялся, тело его вздрагивало, как в ознобе. Руки учителя безжизненно повисли, глаза расширились. Он посмотрел на перекошенные от испуга лица администрации, других педагогических старушек, живенько прибежавших посмотреть на представление, и громко захохотал. От этого смеха в классе стало не по себе...».

В рассказе «Руки старика Митрофанова» есть и вторая потрясающая сцена – финальная, в которой руки старика Митрофанова, в том числе и искалеченная, превращаются в крылья, возносят его к небу.

«Старик вышел на веранду, засунув руки в карманы потрепанного пиджака, и устремил взгляд вдаль, через поля. Если бы вам пришлось побывать осенью в окрестностях поселка, когда невысокие холмы вокруг облекаются то в желтые, то в красные тона, вы бы поняли меланхолическое настроение старика. Ему ведь было всего за пятьдесят с небольшим, но выглядел он на все семьдесят. Старый, усталый человек – он сбросил свой заношенный лапсердак и побегал через поле в рубашке. И на бегу он криками выражал негодование на убожество своей жизни, на убожество чужих жизней, на все, что уродует жизнь. Старик продолжал бежать через поле, неистово размахивая руками, и издалека казалось, что он машет крыльями, чтобы взлететь, подняться над землей, над всей ее суетой».

Картина изображенного мира складывается из отдельных художественных деталей. Под изображенным миром в художественном произведении подразумевается та условно подобная реальному миру картина действительности, которую рисует писатель: люди, вещи, природа, поступки, переживания и пр. В художественном произведении создается как бы модель мира реального. Под художественной

деталью понимается мельчайшая изобразительная или выразительная художественная подробность: элемент пейзажа или портрета, отдельная вещь, поступок, психологическое движение и т. п. Внешние детали, как легко догадаться из их названия, рисуют нам внешнее, предметное бытие людей, их наружность, среду обитания. Психологические детали рисуют нам внутренний мир человека, это отдельные душевные движения: мысли, чувства, переживания, желания и пр.

В рассказе «Руки старика Митрофанова» внешние и психологические детали не разделены непроходимой границей. Так, руки старика Митрофанова – внешняя деталь становится психологической. Она передает, выражает его душевные движения, переживания, желания, стремления, включается вход размышлений, переживаний героя.

«Многое старик Митрофанов говорил с помощью **рук**. Их неутомимое движение и подвижность напоминали биение крыльев пойманной птицы. Когда **руки** были сжаты, суставы пальцев казались некрашеными деревянными шариками величиной с грецкий орех, насаженными на стальные стержни. Загадочность старику придавала его изуродованная **левая рука**. Он искренне хотел скрыть ее подальше, прятал за спину и с изумлением смотрел на спокойные, невыразительные **руки** других людей».

«**Нервные руки** при этом суетливо двигались вокруг высокого лба, словно приглаживая волосы».

«Старик находил дерево или пень и, барабанил по ним **рукой**, выражал свои мысли полнее и более непринужденно, чем обычно. Это успокаивало его. Тонкие, выразительные пальцы, всегда деятельные, всегда стремившиеся скрыться в кармане или за спиной, выходили на сцену и становились как бы шатунами в сложном механизме его речи. Старик дышал Пашке в лицо, заглядывал в глаза, трясущимся указательным пальцем тыкал его в грудь, требовал, принуждал к вниманию. В такие минуты он забывал о **руках**».

«**Руки** его сникли и опустились».

«И вдруг его **руки** самопроизвольно поднялись и легли на плечи Пашке. И тут же в лице старика отпечаталось выражение ужаса. Судорожным движением он засунул **руки** в карманы брюк».

« – Почему он боится своих **рук**?»

«Со своими учениками Митрофанов проводил целые вечера, гуляя по окрестностям, или до самых сумерек засиживался в мечтательной беседе на школьном крыльце. При этом **рука** учителя протя-

гивалась то к одному, то к другому из мальчиков, глядя их спутанные волосы или касаясь плеча».

« – Да, он клал мне **руки** на плечи, – говорил один.

– Он часто гладил мои волосы – говорил другой».

« – Если вы считаете, что мои **руки** могли нанести вред им, – Митрофанов указал **рукой** на перепуганных детей, – пусть тогда их у меня не будет!».

«Обезумевшие глаза учителя посмотрели на завуча, он поднял **правой рукой** топор и ударил им по **левой руке**».

«Митрофанов с окровавленной **рукой** поднялся, тело его вздрагивало, как в ознобе. **Руки** учителя безжизненно повисли, глаза расширились».

«Он надолго попал в больницу, не понимая, что с ним произошло, но чувствовал, что в его затяжной болезни каким-то непостижимым образом виноваты **руки**, и он старался их постоянно прятать. Митрофанов стал бояться своих **рук**».

«В темноте старик не видел своих **рук**, и они успокоились».

«**Руки** его действовали с непостижимой быстротой».

«Нервные, выразительные пальцы, быстро мелькавшие над освещенным потолком, напоминали пальцы отшельника, торопливо перебирающего четки».

«Старик вышел на веранду, засунув **руки** в карманы потрепанного пиджака, и устремил взгляд вдаль, через поля».

«Старик продолжал бежать через поле, неистово размахивая **руками**, и издалека казалось, что он машет крыльями, чтобы взлететь, подняться над землей, над всей ее суетой».

Можно даже сказать, что руки старика Митрофанова являются главным действующим лицом произведения. На это указывает и само название рассказа – «Руки старика Митрофанова». Руки, стремящиеся дать добро, ласку и нежность детям, оказались ненужными, лишними, враждебными душевно изуродованным учителям и родителям, которые в свою очередь душевно калечат детей.

«Руки старика Митрофанова» – это рассказ о жестокости и ненависти некоторых людей, о том, что эти люди продолжают спокойно и счастливо жить, вытерев ноги о чужую жизнь, о том, что в одиночку сложно, а порой невозможно, бороться за светлый и добрый мир. Но это и рассказ, в котором ярко и мощно звучит протест против всего того, что уродует жизнь.

Рассказ «Быть Аннетой» – взгляд на ту же современную провинциальную жизнь, но несколько в другом ракурсе. Отправленный бездушным школьным начальством на «заслуженный отдых» учитель

словесности Иван Васильевич, одаренный, но почти опустившийся, спивающийся человек, у которого отняли возможность заниматься любимым делом, но не выхолостили до конца живую душу, увлекает пятилетнюю поселковую девочку-сиротку Лизавету рассказом об Аннете Ривьер.

Собственная судьба Ивана Васильевича не задалась, но жар души, который он в себе ощущал, остался не растрченным, и теперь изрядно захмелевший старик в каком-то искреннем и страстном порыве пытается передать Лизавете как самый драгоценный дар собственную несостоявшуюся мечту об иной, более осмысленной и правильной жизни.

Размышляя о том, что ожидает в будущем малышку Лизавету, он говорит: «Вот что ее ожидает? Она ведь – будущая женщина, мать, чья-то жена. Ничего хорошего, потому что жили и будем жить в этой болотной тине, и высосет она из нас все соки, как кровосос. И умрем, и унесут на кладбище. <...>. Все думают, что быть женщиной легко! Я-то знаю, что это неправда! <...>. Я один это понимаю! <...>».

– Ни одного случая-то в литературе нет, чтобы писатель написал о счастливой женской доле, – Васильевич задумался, словно перебирал в уме все женские литературные образы, и вдруг лицо его преобразилось, в комнате словно загорелась свечка. – Как это я забыл про Аннету!».

Бывший учитель экстагически, почти молитвенно просит маленькую девочку: спасай себя, свою душу, пожалуйста, «будь Аннетой Ривьер!». В ней, Лизавете, – единственная его надежда: не смог спастись сам, но поможет спастись другому человеку!

«Женщина не должна быть домашней рабыней, угождать мужу. Она должна быть женщиной. Аннета Ривьер была именно женщиной. Все эти Каренины, Наташи Ростовы – это бабье. Они могли стать женщинами, но не стали, а Аннета Ривьер – Женщина с большой буквы, – с волнением воскликнул Васильевич и посмотрел на притихшую Лизавету, нежно коснулся рукой ее волос. – Пожалуй, пройдет лет двадцать, прежде чем ты, малышка, поймешь, что я хочу тебе объяснить».

Но происходит почти невероятное – слова подвыпившего старика-учителя доходят до самого сердца пятилетней девочки.

Она улавливает в его молении главное. Ребенок-несмышлениш из «неблагополучной» семьи откликается на призыв-заклинание, на что –то ему пока неведомое, но притягательное.

«Одна Лизавета заворожено слушала старика, и что-то в ее маленькой головке прокрутилось, что-то она поняла такое, чего не было дано понять бабе Вере. Лизавете обняла пьяного Васильевича и порывисто, по-детски воскликнула:

– Я буду Аннетой!».

Безусловно, читателю хочется верить, что брошенное старым учителем зерно попало в благодатную почву. «... Васильевич благодарственно посмотрел на Лизавету и чмокнул еще раз ее в светлую макушку. <...> ... Васильевич опустил на колени, поднес ручки Лизаветы к своим пьяным губам и в каком-то экстазе стал их целовать.

– Будь Аннетой, малютка, – уговаривал он ее. – Будь сильной и мужественной, вот такая твоя дорога! Будь чем-то большим, чем только женщина! Будь Аннетой!».

И поэтому не столь уж важно, как сложится жизнь девочки, будет ли она походить на героиню Романа Роллана, сумеет ли вырваться из Большой Ямы (хотя и переименованной). Важно то, что она переживает в данный миг, сейчас. Важно, что она вдруг осознает (скорее, интуитивно угадывает), что не хочет так жалко прожить свою жизнь, как проживают ее мать, бабушка, подавляющее большинство жителей поселка. Ее еще наивная и неопытная душа испытывает томление в этой чудовищной поселковой беспросветности, среди деградирующих, духовно агонизирующих людей. Она задыхается в этом тесном и душливом пространстве, из которого почти невозможно вырваться в иную реальность – для Лизаветы еще непонятную, загадочную, но желаемую, чаемую.

« – Я хочу быть Аннетой! – стояла на своем пятилетняя Лизавета, потом расплакалась, ее слезы тронули бабку. Она старалась утешить внучку, но это ей не удавалось. <...>.

Лизавета продолжала рыдать. С детским самозабвением она вся отдавалась горю, и ее голосок нарушал ночную тишину перекосившегося дома.

– Я хочу быть Аннетой! Я хочу быть Аннетой! – с плачем твердила она, содрогаясь и всхлипывая, будто ей в самое сердце проникли образы, порожденные словами пьяного старика Васильевича, бывшего учителя литературы».

«Стремление «быть Аннетой» – это неистребимая человеческая потребность вырваться из круга безысходности, житейской рутины и ограниченности – к чему-то возвышенному, прекрасному. Здесь важен именно порыв души, само устремление, миг как момент истины. И это самое важное в рассказе», – пишет А.В. Урманов.

«Быть Аннетой» органично срастается с «Руками старика Митрофанова», только в последнем рассказе эта вертикальная устремленность души показана на закате непоправимо сломленной, безжалостно растоптанной судьбы. А здесь внутренний прорыв, во многом неосознанный, скорее протестный, бунтарский, показан в самом начале жизни – и тоже, возможно, драматически безысходной.

Душа героев Егора Молданова, даже в самой неблагоприятной обстановке, даже в невыносимо удушливой атмосфере рвется из оков и пут, устремляется к высокому, чистому (как повторяет старик Митрофанов: «Пусть меня выстирают, накрахмалят и выгладят!» или «Я устал и хочу очиститься! Я весь оплетен чем-то липким, крадушимся, ползущим»), следовательно, еще жива.

И эта художественная фиксация, это авторское наблюдение дарит читателю надежду, что не все еще потеряно, что бездонная Большая Яма не поглотит бесследно тысячи и тысячи еще живых русских людей – и детей, и взрослых.

На страницах газеты «Литературная газета» был опубликован рассказ Егора Молданова «Доктор Петров».

Образ врача в русской литературе – тема, мало затронутая в литературоведении, но значение ее для культуры очень велико. Мотивы болезни и исцеления, в буквальном и символическом значениях, пронизывают и фольклор, и религию, и любой вид искусства у всякой нации, поскольку «пронизывают» и саму жизнь. Литература дает эстетический, не житейский, но глубоко жизненный срез бытия, поэтому здесь речь не идет собственно о профессиональных сведениях, здесь не учатся никакому ремеслу, а только понимаю, видению мира: у всякой профессии есть свой, особый угол зрения.

Литература тоже своего рода лекарство духовное. Поэзия далеко ушла от, возможно, первых обращений слова к делу врачевания: посвоему поэтически заговоры, заклинания были рассчитаны на подлинное исцеление от недугов. Не надо обольщаться легкими и решительными обобщениями, вроде того, что о медицине говорят именно писатели-врачи, ведь вообще едва ли не в каждом классическом романе есть хотя бы эпизодическая фигура врача.

Впервые в творчестве А.П. Чехова литература полно отразила облик отечественного медика, его подвижничество, его трагизм и т.д. Потом пришли В.В. Вересаев, М.А. Булгаков. Действительно, как будто благодаря Чехову литература посмотрела на жизнь глазами врача, а не пациента. Но были и до Чехова врачи-писатели, и точнее

было бы сказать: дело не в биографии автора; в литературе XIX века было подготовлено сближение с медициной.

Врач, такой образ-профессия всегда не просто содержателен, но символичен. По Чехову, именно врач всегда несет жанровую, то есть повышенную смысловую нагрузку, даже когда появляется в произведении мимолетно, в коротком эпизоде, в одной строке. М.Ю. Лермонтову Вернер в «Герое нашего времени» важен именно как лекарь. Л.Н. Толстой покажет, как хирург после операции целует в губы раненого пациента («Война и мир»), и за всем этим безусловное присутствие символической окраски профессии: врач по должности приближен к основам и сущностям бытия: рождение, жизнь, страдание, сострадание, упадок, воскрешение, мука и мучительство, наконец, сама смерть. Эти мотивы, безусловно, захватывают личность каждого, но именно во враче они сосредоточены как нечто должное, как судьба. Поэтому, кстати, так остро воспринимается плохой или ложный медик: это шарлатан самого бытия, а не только своей профессии. Символика врача непосредственно связана с православной духовностью русской литературы. Врач в высшем смысле это Христос, изгоняющий самые свирепые недуги своим Словом, более того побеждающий смерть.

В рассказе «Доктор Петров» Егор Молданов создает живой художественный образ доктора Петрова – доктора XX века. Молодой писатель не дает сразу полного портрета главного героя, его образ складывается из отдельных сигментов: описание внешности, характера, поведения, образа мыслей: «Доктор Петров был крупный мужчина, желто-рыжие усы скрывали опущенные уголки его рта»; «В часы приема он надевал пепельного цвета медицинский халат (когда-то в той жизни халат был белоснежным) с большими карманами, куда постоянно засовывал обрывки разных бумаг. Через несколько недель эти бумажки превращались в небольшие твердые катышки, и, когда их становилось много, доктор вытряхивал их на пол. Эта привычка образовалась у него, когда он трясся по сельским дорогам на проржавелом медицинском узике. На этих бумажках доктор записывал свои мысли, иногда – только начало или конец мысли».

Далее мы узнаем, что доктору шестьдесят лет, после смерти жены он живет в одной квартире с престарелой матерью. У доктора, работающего в районной больнице и совмещающего три должности одновременно – терапевта, невропатолога и лора – в виду отсутствия специалистов, было два развлечения: «Доктор любил сидеть у окна»,

«безмолвно наблюдать за тем, что происходит на улице» и посещать единственную достопримечательность Нового мира бар «У Евы». Друзей у доктора практически нет: «доктор сблизился со сторожем больницы стариком Митрофановым, которого в поселке считали сумасшедшим. Часто поздними вечерами они попивали чаек в кабинете доктора, по большей части молчали, и им было хорошо в этой тишине». Новомировцы очень любили «смаковать странности доктора»: он долго беседовал с пациентами-старушками, допоздна засиживался в своем рабочем кабинете, обедать «любил в забегаловке напротив больницы, куда ни один уважающий себя гражданин поселка не заходил».

В перспективный поселок под звучным названием Новый мир доктор приехал в середине 1970-х годов. После «лихих девяностых» все пришло в запустение и упадок: «Звероферма приказала долго жить, леспромхоз также остановил свою производственную деятельность, рыбозавод вмиг обанкротился, налоговые поступления в районную казну из многоводной реки превратились в жалкий ручеек, и поселок постепенно хирел и хирел вместе со своими жителями».

В произведении фоном набросаны мотивы общего неустройства бытия (описания поселка Новый мир и жизни в нем). Но все это привычный земной круг, из которого доктору не вырваться и который ему в одиночку не изменить. Поэтому доктору важно найти, а может быть, и воспитать единомышленника. На роль такого человека доктор Петров выбрал молодого журналиста Алексея Плаксина и решил сделать из него настоящего журналиста. Доктор сразу разглядел в Алексее чувственную натуру, а значить равнодушную и неаутентичную.

Коснувшись глубин жизни, которые открывает медицина, доктор Петров заведомо превосходит всех остальных жителей поселка: «В поселке к доктору Петрову относились настороженно, одни старушки любили ходить к нему на прием. Он их потчевал чаем и мог часами выслушивать жалобы не только на их болячки, но и поговорить за жизнь».

Мысль о больном обществе – логична и проста для медика. Доктор Петров играет роль врача общества, в котором живет. Он ничего не вылечивает в этом обществе, ему не под силу это одному. Ощущение бессмысленности и пустоты жизни охватывает его как никакого героя рассказа, он ничего не может изменить в этом мире, все тщетно и ложно. Сознание медика ведет к глубине переживания жизни и смерти. Он хочет написать книгу: «Ее идея очень про-

ста: каждый в этом мире – Христос и всех распинают. Это и есть то, что я хочу выразить».

Доктор Петров понял причину злости, одиночества и неудовлетворенности людей, живущих в поселке Новый мир – они разучились радоваться: «Это злой поселок, поселок неудовлетворенных и одиноких. Это страшные люди! И все потому, что мы разучились радоваться, смеяться. Все угрюмые, недовольные, разраженные». Он очень переживает за своего подопечного Алексея Плаксина: «Я не успею тебе стать опорой, меня раздавят. Я это чувствую».

Идеальный врач – человек с совершенной духовной опытностью, искушенностью и активностью, укрепленные сильной верой. Доктор Петров не принимает на себя непосильную роль Христа, но он старается приблизиться к нему, в меру своих человеческих сил, врачую и тело, и душу. Он ведет не просто анамнез, а истории жизни своих пациентов, своих сограждан: «Алексей зашел в кабинет, открыл стол и увидел аккуратные стопки историй болезни целого поколения, в которых в нарушение всех правил у доктора шел не анамнез, а рассказ о жизни пациентов с рождения до их смерти».

Егору Молданову важно показать именно человеческое и мировоззренческое в докторе Петрове. Удрученность состоянием поселка, больницы, общества в целом, трагедия бессилия врача, ощущение бессмысленности и пустоты жизни – показаны психологически точно и достоверно.

Заканчивается рассказ просветленным состоянием молодого журналиста, определяющим его дальнейший жизненный путь – продолжение летописного дела доктора Петрова. Алексей Плаксин переживает время познания жизни, и начинает понимать, что оно является и временем взросления. Все это понять и принять помог ему доктор Петров.

Доктор Петров лечил не только телесную оболочку человека, он стремился постичь его душу, и через все это познать самого себя, свое внутреннее я. В этом, вероятно, заключен смысл жизни человека-врача. Находясь в крайне неблагоприятной, удушающей, губящей всякое животворящее начало обстановке, доктор Петров все же находит в себе силы и желание познать человеческую сущность, а, познав, помочь выжить самому главному в человеке, самому бесценному – душе. Только через каждодневный душевный труд можно сохранить в себе ЧЕЛОВЕКА.

Доктор глубоко верует в то, что «не может человек уйти из этого мира и ничего не оставить после себя». После смерти доктора не

осталось никаких материальных ценностей, он, можно сказать, вел аскетический образ жизни. Но после него осталось нечто большее и бесценное – его летопись и его ученик – Алексей Плаксин – продолжатель его нелегкого дела.

После прочтения рассказа «Доктор Петров» остается надежда, что не все так плохо в нашем сегодняшнем мире, что его можно и нужно изменить к лучшему. Или хотя бы постараться это сделать. Жить нужно не только для себя, но и для людей.

Егор Молданов в рассказе «Доктор Петров» продолжает столь характерное для А.П. Чехова сопряжение медицины с литературой, своего рода служение Христу: лечение тела и лечение души.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЕГОРА МОЛДАНОВА: СИМФОНИЯ ДУШИ

Егор Молданов писал не только прозу, он создавал и стихотворения – замечательно тонкие, проникновенные, прозрачные, откровенные. Темы его стихотворений разные: любовь, дружба, поэт и поэзия, счастье, одиночество, природа, смысл и назначение жизни, семья.

Поэзия Егора не может не обратить на себя внимания, оставить равнодушным. Она ярко, объемно, выпукло и выразительно представляет личность ранимого, тонкого чувствующего и переживающего юношу. Вероятно, искушенному читателю стихотворения Егора покажутся наивными, мастерски не отточенными. Но они бесценны своей откровенной нежностью, мечтой, стремлением познать и выразить сложный окружающий мир, открыто и щедро поделиться своими мыслями, чувствами, переживаниями и размышлениями.

Некоторые стихотворения Егора переполнены неизреченной грусти, но грусть эта очищающая, выводящая к высокому, небесному, горнему. Важно и дорого то, что стихи Егора Молданова дарят надежду, призывают к жизни, обещают гармонию внутреннего и внешнего миров.

Егор Молданов – поэт, в душе которого всегда звучала удивительной мелодичности и тонкой нежности симфония. Мы не можем ее услышать, и поэтому он записал ее для нас словами, сложившимися в прекрасные образные поэтические картины. Нам остается только любоваться ими, наслаждаться психолого-эмоциональным настроением автора, сумевшего поразить нас богатством, тонкостью и чи-

стотой своего внутреннего мира. Стихотворения Егора Молданова удивительно музыкальны и мелодичны.

В стихотворении «Я» Егор Молданов поднимает важную для юношества проблему выбора жизненного пути. Всем содержанием этого поэтического творения он говорит о том, что все зависит от тебя, твоя жизнь есть то, что есть ты. Стихотворение построено на широком применении приема контраста – противопоставляется возвышенное и земное, прекрасное и безобразное, добро и зло. Автор убежден, что «с намеченной дороги не сойти» поможет искренняя вера в то, что «есть свет в конце пути»:

*Сегодня ты герой, а завтра –
ты подлец,
что уготовано, не знаешь,
судьбою.
Ты завтра трус, сегодня же –
храбрец,
и слава следует повсюду за тобою.
Сегодня – ты пророк, но завтра –
ты слепец,
путь истины разыскивая тщетно.
Сегодня – умный, завтра же –
глупец,
ошибки совершая незаметно.
Но верь, есть свет в конце пути,
И стоит только чуточку
стараться.
С намеченной дороги не сойти,
но попытайся все ж на ней
не спотыкаться.*

По мысли Егора Молданова, душа является ареной борьбы между добром и злом, светом и тьмой, стремлением к возвышенному, к духовному совершенствованию и соблазном легкого безвольного скольжения вниз.

Что может быть прекраснее любви? Романтическая и нежная, робкая и страстная, преданная и безответная... Каким разным бывает это чувство... Оно может давать радость и причинять боль, но оно наполняет нашу жизнь смыслом и без него пусто в душе даже самого благополучного и преуспевающего человека.

Тема любви занимает значительное место в поэзии Егора Молданова. Стихотворения о любви предназначены тонкой и восприимчивой душе читателя. В стихотворении «Любовь как Облако», написанном верлибром («белый стих»), говорится о том, как может по-настоящему любить человек, какое это всепоглощающее чувство – настоящая, глубокая и чистая любовь. Лирический герой стихотворения утверждает, что истинная любовь способствует возвышению души:

*Когда ты любишь — становишься пушистым, мягким Облаком.
Летишь «над». И ничто «под» тебя не касается.
Те, кто еще не любят, смотрят на тебя, запрокинув голову, и завидуют.
Завидуют высоте, чистоте, безмятежности...
А ты летишь, и пламенеющий край горизонта касается тебя,
и огонь проникает вовнутрь тебя.
Я знаю, о чем говорю. Я сейчас подлетаю к краю...*

Поэтизация чувства любви делает это стихотворение необыкновенно чистым и прозрачным, а краски – яркими и светлыми: «пламенеющий край горизонта», «чистота», «безмятежность».

Когда уходит любовь наступает душевная пустота, возникает психологическое напряжение, «ложь оправданий», «слезы и горечь разлук»:

*Пусто в душе – ни любви,
ни отчаянья,
Сердце остыло от вечной тоски.
А между нами – года и молчанье,
А между нами – пустые листки.*

*А между нами – ложь
оправданий,
Слёзы и горечь разлук.
А между нами – жажда свиданий,
И страсти сплетения рук.*

*А между нами – минутные
встречи,
И жизнь по наклонной дуге.
А между нами – церковные свечи,
И кольца на правой руке.*

Переживание воспроизводится точно, в кратких выразительных деталях, за которыми читателю нетрудно увидеть душевное напряжение, смятение и боль.

Следующее стихотворение посвящено современному отношению к любви, когда чувства сведены к одной простой формулировке «Ты не против. Я не против»:

*Ресторан. Официанты.
Молчаливы и галантны.
Чуть сверкают бриллианты
В приглушённом свете лампы.*

*Ты напротив. Я напротив.
Ты не против. Я не против.
Мы идём ко мне домой,
Завернём любовь с собой.*

*Заверните, упакуйте...
Черти... ангелы... ликуйте!
Мы не злые. Мы такие
Современные
Простые.*

Тема одиночества звучит во многих стихотворениях Егора Молдана. Одиночество возникает оттого, что люди не понимают друг друга, боятся проявить свои истинные чувства, запрещают себе мечтать, смеяться, жить полной человеческой жизнью. В одноименном стихотворении автор показывает, молчание служит источником одиночества и пустоты:

*Одиночество вокруг
Замыкает тесный круг.
В пустоту вокруг глядим –
Мы молчим.*

*Запретив себе мечтать,
Песни петь, смеяться. Ждать,
Замолкаем и сидим –
Мы молчим.*

*Подавляя силу, страсть,
Не боимся мы пропасть,
Тупо смотрим вдаль, грустим –
Мы молчим.*

*И становимся смешны,
Жалость ждём со стороны,
Слёз не льём и не кричим –
Мы молчим.*

Порой исправить ситуацию нелюбви, и как следствие одиночества, может простое искреннее объятие. Иногда тактильные ощущения важнее, нужнее и желаннее слов любви. Словами можно обмануться, а теплые объятия согревают не только физически, но и душевно. Человеку важно не только знать, но и ощущать, что он нужен и дорог. Об этом стихотворение «Обними»:

*Ты обними меня,
Я больше не могу.*

...

*Лежать. Стоять.
И думать о делах,
О пустяках,
О вечном,
О любви.
Прошу немного –
Просто обними.*

Краеугольная в творчестве любого поэта проблема – проблема утекания жизни, закономерности смены чувственных и физических состояний человека, невозвратимости первой любви ставится Егором Молдановым в стихотворении «Годы пройдут, словно день, словно час... »:

*Годы пройдут, словно день, словно час;
Много людей промелькнёт мимо нас.
Дети займут положение в свете,
И старики поглупеют, как дети.*

*Мы поглупеем, как все, в свой черёд,
А уж любовь не придёт, не придёт!
Первой любви не сотрётся печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать;
Обищие сны будут сниться обоим;
Разум обманем и сердце закроем,
Но о прошедшем тоска не умрёт,
И уж любовь не придёт, не придёт.*

Стихотворение «Родителям» симптоматично для Молданова-поэта – человек, потерявший в раннем детстве родителей как никто другой на свете, понимает и знает, что самое главное в жизни любого человека как можно дольше оставаться ребенком, ведь все мы дети, пока живы наши родители. Именно родители всегда ждут и любят нас, а мы не должны подвести их в этом ожидании и любви, иными словами не должны о них забывать и отмахиваться как от ненужного, отработанного материала. В жизни все циклично, ты станешь родителем, отдашь всего себя своим детям, а они, став взрослыми самостоятельными, перестанут в тебе нуждаться и тебе останется одно – ждать и любить:

*Мелькают мыслей города,
Проходят жизнью километры.
Когда-нибудь придёшь сюда
И всё расскажешь – что ты, где ты.
Тебя всегда здесь будут ждать:
Покой, уют и чашка чая.
Но главное – не опоздать,
Минут и дней не замечая.*

*Они ждут нас – года, недели,
Они надеются и верят,
Они нас холят и лелеют,
Они...*

*Когда останешься один,
То вспомнишь вдруг о днях невинных,
Когда считал, что мир един,
Тогда не знал о бедах длинных.
И вот ты здесь – преодолел*

*Мучений тяжких испытанья.
Теперь ты дома. Твой удел
Ждать тех, кто скажет «До свиданья».*

*Лишь мы ждём вас – года, недели,
Лишь мы надеемся и верим,
Лишь мы вас холим и лелеем,
Лишь мы...*

Стихотворение «Руки...» словно моментальный снимок состояния души поэта, предоставляющего читателю возможность домыслить или вложить в строку свой личный смысл. Поэтическая прелесть грустного импрессионистического стихотворения именно в этой недоговоренности.

*Рука
Тронет лицо слегка.
Глаза...
Вдруг промелькнет слеза.
Слова...
Их принесет молва.*

*Душа
Тихо замрет, не дыша.
Мечты,
Там лишь остались следы.
Ты...
Но сожжены мосты.*

Лирический герой Егора Молданова устремлен к гармонии с природой, окружающим миром. Пейзажные зарисовки молодого автора полностью выражают и отражают его психолого-эмоциональное состояние и настроение. Солнце – это и конкретный пейзажный образ, и символ жизни. Природа выступает как образ гармоничной простоты и совершенства. Достичь слияния с природой – искреннее стремление и идеал лирического героя, он ощущает таинственную связь между природой и человеческой жизнью, он восхищается мощью окружающего мира – только природа, солнышко могут научить «жить по чести». Поэтический голос автора полон восхищения, чувства единения с природой, пониманием ее красоты, чистоты и одухотворенности.

*Я до солнышка проснусь,
Первых лучиков дождусь,
Улыбнусь светло и ясно.
Всё чудесно! Всё прекрасно!*

*Солнце! Солнышко родное!
Я люблю тебя такое,
Душу, тело излечи,
Жить по чести научи!*

Мир природы в стихотворениях «Я до солнышка проснусь...» и «Пахнет свежестью...» эмоционален и полнокровен.

*Пахнет свежестью. На траве роса.
Улица небритая боса.
Раздаются птиц продрогших голоса.
Весна.*

Стихотворение «20 лет» можно прочитывать как своеобразную исповедь двадцатилетнего юноши, уставшего «от ненайденных ответов» на мучающие его вопросы. В нем просматривается вечная проблема «отцов и детей»: «ненужный никому серьез» (то есть взрослым):

*Под деревьями опавшая
клетчатка,
К каменной земле вот-вот
пристанет снег.
На дорогах лёд блестящий,
гладкий,
Мне сегодня ровно двадцать лет.*

*Мой диагноз – вечная усталость
От ненайденных ответов
на вопрос.
И настала преждевременная
старость,
И в глазах не нужный никому
серьёз.*

*Мы пустили корни в тьму
и холод
Для того лишь, чтоб увидеть свет.
Невиновен каждый, кто так молод
И кому сегодня двадцать лет.*

По некоторым деталям – «опавшая клетчатка», «на дорогах лед блестящий гладкий», «к каменной земле вот-вот пристанет снег» – можно сделать вывод, что перед нами не вымышленный герой, а сам автор, откровенно пишущий о себе – Егор Молданов родился в описываемое время года – 16 ноября.

Стихотворение «Беги, пока живешь...» полностью построено на использовании форм глагола повелительного наклонения. Повелительное наклонение принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Значения форм повелительного наклонения в поэтической речи разнообразны и сложны. Их специфика определяется авторским замыслом.

В рассматриваемом стихотворении повелительное наклонение применяется к лицу непосредственно не присутствующему. Это расширяет круг передаваемых значений желательной формы. Прямое побуждение к действию уступает место выражению желания, чтобы адресат совершил это действие. В данном поэтическом тексте наблюдается частный случай желательного значения – значение заклинания. В заклинательном значении присутствует смысловой компонент, определяемый как вера в силу слова, желание воздействовать словом, признание его особой власти. Отчетливо выраженное значение заклинания вытекает из общего смысла стихотворения, и создается повтором, усиливающим волевое начало в повелительной формулировке. В этом произведении Егор Молданов широко применяет не лексический повтор, но повтор повелительной формулы с варьированием содержания:

*Беги, пока живешь,
Лети, пока мечтаешь,
Люби, пока по телу дрожь,
И верь тому, что знаешь!*

*Живи, пока в душе тепло,
Пойми, когда теряешь,
Уйди, пока еще светло.
Прости, пока не умираешь!*

Повторение повелительной формулы при различном лексическом наполнении усиливает свою действенность, так как позволяет давать смысловую градацию, нарастание. Каждая последующая строка начинается с глагола в форме повелительного наклонения. Такое построение образует не неподвижную симметрию, но создает усиление, нарастание эмоционального заклинательного смысла. Все во власти человека, пока он жив, все ему доступно, все в его силах, и он должен успеть всем этим воспользоваться во благо себе и окружающим людям в отведенное ему жизнью и судьбой время. Все стихотворение пронизано жаждой жизни, любовью к жизни. Егор Молданов заклинает, призывает своих читателей постараться жить так, чтобы потом не сожалеть о возможном, но почему-то упущенном.

Поэзия не может (да и не должна) анализировать действительность логически, но она может яркой вспышкой озарить мгновенное впечатление, создать яркий, эмоционально насыщенный образ, способный прочно отпечататься в памяти и сознании и даже повлиять на наше миропонимание и мироощущение. Именно это и роднит мир Егора Молданова с нашим внутренним миром, миром его современников. Его стихотворения устанавливают между нами невидимую, но осязаемую связь сочувствия, сопереживания и впечатлений. Переживания в поэзии Егора Молданова воспроизводятся точно, в кратких выразительных деталях, за которыми читателю нетрудно увидеть и почувствовать огромное душевное напряжение, смятение и боль.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕГОРА МОЛДАНОВА: НЕРАВНОДУШНЫЙ К ЛИТЕРАТУРЕ

Знакомство Егора Молданова с главным редактором еженедельной газеты писателей «Литературная Россия» Вячеславом Огрызко началось с его обращения на электронную почту редакции газеты в конце июня 2009 года. Прочитав в газете материалы дискуссии о повести Владимира Маканина «Асан», он, ни слова не сказав о нейтральных откликах уральца Сергея Белякова и критика из Северодвинска Андрея Рудалева, разразился гневной филиппикой в адрес Александра Карасева, высказавшегося крайне негативно об упомянутом произведении Маканина. А. Карасев считал, что «Асан» – вещь конъюнктурная. С ним был согласен и В. Огрызко: «Маканин нащупал болезную тему, он поступил как журналист. То, что армейская верхушка давно прогнила, мы знали и до Маканина. Я глубоко убежден в том, что писатель в своем творчестве должен исходить не из актуальных тем и отталкиваться не от какой-то проблемы, он должен, в первую очередь, идти от человека. Я в «Асане» людей-то и не увидел. Писатель заикнулся в основном на обличении проворовавшихся армейских тыловигов».

Однако совсем отказываться от материала Егора Молданова редактор «Литературной России» не стал. В. Огрызко делится своими впечатлениями о способности Егора выражать свои мысли и гражданскую позицию: «Меня зацепила в отклике Молданова та страстность, с какой защищался Маканин. Впечатлила также яростность, с которой критиковался Карасев. По всему чувствовалось, что филиппику сочинил человек неравнодушный к литературе».

Был еще один важный момент, который повлиял на решение о публикации отклика. Беляков, Рудалев и Карасев, несмотря на возраст, успели примелькаться и по большому счету их работы никакой тайны не таили. Они все трое к 2009 году, в принципе, были уже предсказуемы. А Молданова еще никто не знал. Или почти никто не знал. Он пока, что называется, не просчитывался. И тем был интересен.

В общем, отклик Егора Молданова «Великая охота Александра Карасева» в порядке дискуссии появился в номере «Литературной России» за 29 июня 2009 года.

А через несколько дней в редакцию пришла рецензия уже на самого Молданова. Ее написал молодой литератор из Смоленска Максим Свириденков. Публикация рецензии помогла Егору, у него тут же появилась масса идей, он смог проявить себя добросовестным журналистом.

Первое, что Егор Молданов предложил редакции «Литературной России» – репортаж с литературного праздника на Алтае, приуроченного к 80-летию Василия Шукшина. Как раз перед празднованием юбилея классика молодой писатель и начинающий журналист получил путевку на знаменитый курорт Белокуриха.

Репортаж с Алтая получился, по мнению главного редактора, неважным. Но дальше Егор расписался. Это видно по электронной переписке, частично сохранившейся в редакционном компьютере.

Переписка велась почти каждый день с 20 августа по 21 декабря 2009 года. Егор очень боялся стать для семьи брата приемного отца обузой. Он хотел хоть как-то показать, что тоже может зарабатывать. Но журналы гонорары платили редко и мало и, естественно, Егор не упускал случая писать новые статьи и интервью. За отпущенное судьбой время он написал около двадцати публицистических статей.

Егор Молданов подготовил небольшой коллаж из двух вопросов: 1) итоги 2009: радости и огорчения; 2) планы на 2010, которому предпослал пояснение. «Критики подводят итоги литературного 2009 года. Мнения полярные: от восторгов до полного пессимизма, как обычно и бывает. Я слишком молод и еще неопытен в таких оракульских делах. При всех невзгодах, которые мне пришлось перенести, уходящий год был интересным и многообещающим. Рад, что литературное сообщество хорошо приняло мою первую книгу «Трудный возраст». Год был радостен тем, что пусть заочно, но познакомился с людьми, которые стали для меня близкими друзьями. Это – И. Ю. Ковалева, Андрей Степанов, профессор А.В. Урманов, Ирмина Богатырева, Андрей Рудалев, Александр Снегирев, Михаил Тарковский, Валерий Печейкин. Благодарен «Литературной России» за сотрудничество со мной. Их поддержка давала мне силы жить, писать, участвовать в проектах. Очень надеюсь, что к концу февраля 2010 года допишу вторую часть «Трудного возраста» – «Труднодоступный возраст». Увлёкся циклом рассказов «Старикам здесь не место», а также надеюсь, что доведу его до нужной кондиции. Так что грех жаловаться на 2009 год».

Ответы на вопросы Егора Молданова прислали: Ольга Славникова (писатель, координатор премии «Дебют»), Андрей Рудалев (литературный критик), Ирина Богатырева (писатель), Алиса Ганиева (она же Гула Хирачев, победитель «Дебюта»–2009 в номинации «Крупная проза», литературный критик), Александр Снегирев (писатель), Василий Ширяев (литературный критик), Михаил Тарковский (писатель), Капитолина Кокшенева (литературный критик), Мариам Петросян (писатель, финалист «Большой книги»–2009), Сергей Беляков (заместитель главного редактора журнала «Урал») и писатель Захар Прилепин.

Егор Молданов писал рецензии и отзывы на поразившие его современные произведения, как признанных мастеров слова, так и только начинающих авторов.

Его перу принадлежит одна из самых удачных рецензий на книгу Мариам Петросян «Дом, в котором...». Только Егор как никто другой мог понять и прочувствовать, что многое можно сочинить и красиво это словесно выразить, но гораздо сложнее написать правдивую историю «о подростках, у которых жизнь вверх тормашками». Свою подробную рецензию Молданов строит отталкиваясь от мысли, «Дом, в котором...» – это «многозначная философичная вещь с мерцающими подтекстами, которую нам стоит разжевывать и переваривать».

Книга Мариам Петросян о жизни непростых подростков. Писательница создала по-настоящему хорошую книгу, главная тема которой, по мнению Молданова, «проста и сложна одновременно: понять человека в человеке, с одним лишь небольшим уточнением, что мы имеем дело с детьми, и не просто с детьми, – с детьми с ограниченными возможностями».

Что заставило М. Петросян, написавшую свою первую книгу, взяться за такую сложную тему: дети-инвалиды и интернат? Е. Молданов открыто об этом ее спросил, и она ответила: «Не знаю. По моему, это скорее темы находят нас, чем мы их. В моем случае это были персонажи. Они нашли меня, а потом уже заставили выстроить для себя подходящий им мир».

Философию книги «Дом, в котором...» Егор сравнивает с «Королем Матиушем Первым» Яноша Корчака и мудростью «Маленького принца» Антауна Экзюпери: «Каждая фраза рождает какие-то потаенные иллюзии, то, что мы храним у себя глубоко внутри и боимся открыть створки детского сердца».

Егор подробно и внимательно пишет о системе образов поразившего его произведения, четко и верно определяет проблематику романа, не оставляет в стороне необычность и авторскую индивидуальность поэтики «Дома, в котором...». «Мариам в своем «Доме» удалось не только подняться над материалом, ей удалось осмыслить и обобщить в книге общечеловеческие, бытийные проблемы. В тексте целый пласт общемировых символов: дом, окно, дорога, смерть, любовь. Ведь эта книга о том, что дружба преодолевает все преграды, становится выше болезни, агрессии мира, выше смерти. Маленькие герои Мариам – дети-вселенные, которым дано знать Истину. Мариам Петросян поднимает планку проблемы еще выше социальной адаптации: она ставит нас перед собственным незнанием, страхом подобных людей, перед болью как больных, так и здоровых подростков, которым невероятно трудно найти свою дорогу в «большую жизнь» из вселенского мира детства. Дом – это нечто гораздо большее, чем просто интернат для детей, от которых отказались родители. Дом – это их отдельная вселенная».

Взрослые не понимают мира детей не потому что не могут – потому что не хотят. По мысли Егора, «книга Мариам, как никакая другая верна заветам Крапивина: что-либо исправить возможно только в детстве».

Мариам Петросян писала свою книгу «Дом, в котором...» свыше десяти лет. Дальше книга попала в Москву, долго путешествовала, перемещалась, пока не попала именно в те руки, в которые ей необходимо было попасть. Все происходит ровно тогда, когда нужно.

Егор Молданов, по собственному признанию, мог так и никогда и не прочитать книгу Мариам Петросян, если бы не «Записки купальщика» А. Немзера. В них маститый критик признается, что книга Петросян не в его вкусе, хотя и вынужден, в конечном счете, признать, что «Мариам сотворила книгу», и определил ее как «историю о фантастическом интернате для увечных». Вступая в полемику с ведущим отечественным критиком, Егор Молданов пишет: «Если бы я не был в прошлом воспитанником интерната, проглотил бы статейку – и все, но я интернатовский, и мне обидно, что достаточно известный критик, не зная всех тонкостей сиротской жизни, с таким пренебрежением отозвался о книге Мариам Петросян. Честно скопировав две части рукописи, приступил к чтению и больше оторваться не мог. И даже когда все было прочитано, книга накатывала и накатывала, словно бурные и беспокойные воды горной реки».

В рецензии на роман Романа Сенчина «Елтышевы» Егор Молданов обнаружил свое мастерство владения словом и видением проблематики рассматриваемого произведения. В начале своих размышлений Егор откровенно признается, что «Елтышевы» – один из самых сильных романов 2009 года и все содержание его статьи доказывает эту четкую мысль. Он пишет: «Впервые настоящим бестселлером стала книга о деградации семьи в условиях русской деревни. «Елтышевы» – зрелая книга, написанная с отчетливой решимостью человека, которому есть что сказать и который говорит об этом во всеуслышание. Сенчин изобразил картину современной деревенской жизни без прикрас». По мысли Молданова, «мастерство писателя и заключается в том, что он умеет подать свою «историю» как никто другой». Егор согласен с мнением Ирины Роднянской: «Сенчин как заразы боится литературной лжи и может писать единственно о том, что знает подлинно». И действительно сам Роман Сенчин вторит словам известного критика: «Меня ругают за то, что я передаю действительность один в один. Требуют правды художественной, а не только жизненной. Я пытаюсь писать о жизни ничем особенным не выдающихся, как Пушкин их называл, «ничтожных» людей. Хотя каждый человек особен и уникален. Но жизнь большинства складывается из череды дней-близнецов, которые не запоминаются, не радуют и не огорчают, почти не отмечаются. Настоящие события – хорошие или плохие – происходят очень редко. И вот эти бесцветные, лишние дни я и беру для описания».

Сенчин в своем романе представляет нам среднестатистическую советскую семью Елтышевых, так и не сумевшую осуществить «типично советское» восхождение к сверкающим вершинам блаженства. Необходимо отметить, что роман «Елтышевы» выдвигался на получение литературных премий, но, к сожалению, лидером-победителем не стал.

Деградацию семьи Елтышевых Егор Молданов прочитывает как деградацию всей русской провинциальной, деревенской жизни и вообще всей современной русской цивилизации.

Заканчивается статья печальным, но метким выводом: «Елтышевы» – это история об отсутствии воли к жизни. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Перед нами ужас неверно прожитой жизни, суд над нею – основной смысл книги писателя Сенчина».

Страшная болезнь лишила Егора многих привычных радостей. Осталась, пожалуй, одна литература. Чтобы не впасть в отчаяние

от жалости к себе и от обиды на злую судьбу, Егор Молданов стал искать понимающих собеседников в Интернете. Он завязал переписку со многими писателями и редакторами. Так ему, видимо, легче было переносить боль. Некоторые письма к издателям и сверстникам сохранились. Часть их опубликовал на страницах газеты «Литературная Россия» Вячеслав Огрызко.

Егор Молданов провел несколько бесед с теми писателями, которые согласились дать ему интервью. Все они были опубликованы на страницах газеты «Литературная Россия». В беседах с писателями С. Беляковым, А. Степановым, Д. Гурьяновым, М. Петросян, А. Снегиревым, О. Славниковой дана доступная широкому читателю информация о состоянии современного литературного процесса.

Писатели делятся своими творческими планами, предлагают интересные варианты решения проблем «толстых» журналов, размышляют над тем, что такое писательство (в последнее время появилось мнение, что писатели стали писать на премии и ради премий, ведь если писатель будет думать о премии, а не о читателе, читатель это быстро поймет и отвернется не только от такого писателя, и вообще от современной литературы), что такое герой нашего времени и какие герои нужны современному читателю, чего не хватает сегодняшней литературе (так, например, С. Беляков считает, что современной литературе не хватает читателя).

Егор так мастерски психологически точно строит систему вопросов, что двумя-тремя мазками, но весьма емко и четко представляет образ интервьюируемого писателя.

Егору Молданову была по вкусу литература, где существует пластика слова, философия и гармония сюжета. В его рецензиях, заметках, интервью с писателями, критиками, учеными присутствовало редкое сочетание отличного владения словом, ума и юношеской энергии.

ОПЫТ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЕГОРА МОЛДАНОВА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В декабре 2010 года ученики 9 «В» класса МОУ СОШ № 26 города Благовещенска познакомились с жизнью и творчеством Егора Молданова. Учитель русского языка и литературы, отличник образования Российской Федерации Зинаида Владимировна Кураченко провела урок внеклассного чтения на тему «Малая проза Егора Молданова». Весной 2011 года она выступила с этой темой на лосевских чтениях в БГПУ. Вашему вниманию предлагаются материалы этого выступления и ученические размышления-отзывы на рассказ Егора Молданова «Руки старика Митрофанова».

Малая проза Егора Молданова

В 2011 учебном году мною для исследования на конференцию «Старт в Науку» учащимся 9 класса были предложены следующие темы: Что читают современные подростки? Читать это модно? Размышления о читателе XXI века.

Исследовательская работа детьми была проведена большая: это и библиотеки города Благовещенска (работа с каталогами, изучение теоретических материалов, материалов СМИ), опрос детей в школе, классах, во дворах, семейном кругу.

При обработке материала по тесту «Какую литературу читают наши ученики и как читают?» я обратила ответ на вопрос: «Назовите своего любимого писателя, поэта и любимое произведение. Каких современных авторов вы знаете?».

При исследовании многие дети называли авторов из школьной программы: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф. Тютчев, А. Фет и других и их произведения (сказки, «Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Я помню чудное мгновенье», «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин» и многие другие), а вот современных авторов знают немногие.

«А разве современные российские писатели существуют?», – недоверчиво ответил на вопрос одиннадцатиклассник. Остается только гадать, чего больше было в его словах – иронии или неосведомленности.

А на вопрос о том, каких современников-земляков вы знаете, ответа не получили.

Конечно же, на уроках литературы уделяется внимание региональному компоненту, дети знают стихи Н. Дьяковой, И Игнатенко, Л. Завальнюка. Но, вероятно, этого мало.

При посещении областной библиотеки, где, кстати, очень любезно отнеслись к просьбам исследователей, был и предложен литературный альманах БГПУ «Амур» №8 за 2009 год, из материалов которого меня заинтересовала малая проза Егора Молданова.

«Трудный возраст» – повесть об ответственности родителей за детей, о человеческой жестокости и жалости, настоящей дружбе и предательстве, о чести и достоинстве. В основе её сюжет, свойственный роману воспитания. Это рассказ о становлении личности.

Произведение просто и незамысловато и в плане композиции, и системы персонажей, и художественных средств. Читателю не надо ломать голову над хитросплетениями сюжета, загадками характеров, их оценками – обо всём позаботился сам автор, раскрасив свой мир в чёрно-белый цвет, раздав своим героям звучные имена-«погоняла» (Сильвер, Комар, Щука, Пенелопа, Большой Лёлик, Кузнечик и т.д.). Перед читателем-зрителем кадр за кадром разворачивается драматическая история жизни главного героя – история борьбы за право быть собой, за свободу.

Конечно, книгу, вызывающую к твоей совести, читать нелегко, но и не читать не получается – она затягивает динамичным сюжетом, остротой конфликтных ситуаций, напряжённым действием, привлекательностью характеров главных героев, сопереживанием им.

Конечно же, мне захотелось обратить на это внимание своих учеников.

1. Проведены библиотечные уроки «Памяти Егора Молданова», выступила с материалами работник областной библиотеки, Соломенник Виктория Викторовна, где и была представлена его книга.

Эти уроки тронули сердца детей. Пример: после урока подходит одна из учениц, выждав уединения, с таким вопросом: «Вот вы сказали, что все можно пережить. А вот, если тебе кажется, что ничего не поможет кроме смерти. Как тогда?». Виктория, которая проводила этот урок, как-то даже оторопев, живо откликнулась на этот вопрос, (словами Егора Молданова): «А ты почитай эту книгу и ты поймешь, что в этом мире ты не одинока, все проблемы решаемы, что есть настоящая дружба, светлая любовь, что вокруг есть Люди, а ты Человек».

Книга была прочитана не только этой девочкой, но и многими детьми.

Что отмечено детьми – это описание школы и самих школьников. Мало кому удаётся с такой точностью передать нравы, реплики и повадки молодого поколения, запертого в стенах образовательного учреждения, и Егор не побоялся об этом сказать. Передал, потому что всё видел собственными глазами.

2. Последнее время участились случаи жестокого обращения с педагогами со стороны родителей. Это случай и в Петербурге и Красноярске. Была проведена программа с Андреем Малаховым «Пусть говорят».

И эту проблему поднимает на страницах своей малой прозы наш амурский молодой писатель Егор Молданов.

Для внеклассного анализа я взяла рассказ «Руки старика Митрофанова», об учителе литературе, из цикла рассказов «Поселок», который вошел в лонг-лист премии и удостоился почетного упоминания жюри в 2009 году.

На уроке внеклассного чтения в 9 классах при громком чтении этого рассказа было особенно тихо. То ли ученица так мастерски сумела прочесть рассказ, то ли запал в душу и вызвал боль, но тут же были написаны отзывы на этот рассказ.

Размышления учащихся 9 «В» класса над рассказом Егора Молданова «Руки старика Митрофанова»

Составляя отзыв на прочитанное, многие просто пересказали. Но личное мнение высказали в защиту главного героя.

Например: 1. «...Этот рассказ я слышала впервые. Услышанное меня сильно взволновало. Как несправедливо может пострадать человек».

2. «...Учитель Митрофанов-человек принципиальный, бесстрашный, правдолюбивый и очень сильный...».

3. «Данный рассказ описывает судьбу одного человека, которая меняется в один момент. Из-за недовольства окружающих, разности мнений, не умения уступить и подлого поступка жизнь человека превратилась в кошмар.

Но что же случилось с людьми?

В чем проблемы? Не желание уступить и мирно решать конфликты или же человеческое общество стало настолько варварским?

Когда новый учитель появился в школе, многие коллеги не хотели принимать его манеру общения с воспитанниками. Вскоре произошел инцидент с учеником, который получил плохую отметку, и его ложь запустила реакцию, которая привела к жесточайшим последствиям. Молодой учитель, за которого никто не вступился, не сломался под физическим и психологическим гнетом. Его не смогли заставить изменить свои принципы: быть опрятным, вести с детьми так, как он делал всегда. Он не просит пощады и выигрывает победу как христианин, через собственные муки.

И то, что сделало с ним общество, сохранилось в его душе и до самой смерти разъедало его, оставляя неизгладимый след растоптанной души, которая рвется куда-то ввысь.

Этот рассказ актуален и в наши дни. В СМИ все чаще стали появляться статьи о неправомерных отношениях к учителям.

Хочется, чтобы в моей жизни не встретилось таких жестоких людей и жестоких обстоятельств».

Мансуров Назар.

4. «Текст этого рассказа поразил меня до глубины души. Отношения между молодым учителем и завучем были настолько напряженными, что в какой-то мере я оказалась на месте этого учителя.

Меня удивила настойчивость этого молодого человека, он настолько был уверен в себе, что стерпел все обиды и невзгоды, связанные с коллективом, защитив себя как личность, но приняв при этом физическую боль и физические страдания.

Очень хорошо, что ему помогла в трудную минуту найти себя молодая учительница, испытывая светлые, искренние чувства.

В общем, все эти эмоции, связанные с этой историей, не описать никакими словами – это и страх за главного героя, и горечь его страданий, и, конечно, ненависть к педагогическому коллективу.

Герой победил, но какой ценой.

Хорош финал у этого рассказа: душа жива « пусть меня выстирают, накрахмалят и выгладят», она рвется в небо, а руки превращаются в крылья. Это дарит надежду читателю о выходе из безысходного положения».

Черешнева Татьяна

5. «Рассказ Егора Молданова «Руки старика Митрофанова», захватывающий по композиционному построению. Хотя читать его довольно трудно, потому что жестокие картины описывает автор. Но такие произведения необходимо читать, так как автор через произведение обращается к каждому из нас.

Егор Молданов призывает к раздумью и душевной работе, к сомнениям в себе. Подросткам порой приходится решать трудные вопросы, где завязаны взрослые люди: родители, учителя. Иногда не можешь противостоять себе.

А сейчас в нашей стране такие случаи участились. Насколько прозорливее оказался автор, описывая драматическую судьбу молодого учителя».

Глушук Алина

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕГОРА МОЛДАНОВА

Художественные произведения

- Трудный возраст : повесть. – СПб. : КОМИЛЬФО, 2009. – 194 с.
- Быть Аннетой : рассказ // // Амур : лит.-худож. альм. – 2009. – № 8. – С. 29–31.
- Доктор Петров : рассказ // Лит. газ. – 2010. – № 5. – С. 15.
- Живая вода : рассказ // Амур. правда. – 2009. – 14 марта. – С. 3.
- Из книги «Трудный возраст» // Моя Мадонна. – 2009. – 14 янв. – С. 5.
- Руки старика Митрофанова : рассказ // Амур : лит.-худож. альм. – 2009. – № 8. – С. 25–29.
- Руки старика Митрофанова : рассказ // Лит. Россия. – 2009. – № 43. – С. 12–13.
- Симфония души : [подборка стихотворений] // Лит. Россия. – 2010. – № 5. – С. 7. – Из содерж. : Душа ; Я ; 20 лет ; Одиночество и др.

Публицистические произведения

- В ожидании второй части марлезонского балета : о премии «Русский Букер»–2009 // Лит. Россия. – 2009. – № 27. – С. 1.
- Великая охота Александра Карасева : о полемике вокруг романа В. Маканина «Асан» // Лит. Россия. – 2009. – № 25. – С. 13.
- Главное – рискнуть : беседа с писателем Д. Гурьяновым // Лит. Россия. – 2009. – № 40. – С. 3.
- Жанна Агузарова рядом не стояла : юбилейная очередь за дебютом // Лит. Россия. – 2009. – № 50. – С. 10.
- Жизнь – это боль : несостоявшееся интервью с Мариам Петросян // Лит. Россия. – 2010. – № 48. – С. 3.
- Злокачественная биопсия семьи Елтышевых : о романе Р. Сенчина «Елтышевы» // Лит. Россия. – 2009. – № 46. – С. 13.
- И вот пришел «Дебют» : беседа с писательницей О. Славниковой о лит. премии «Дебют» // Лит. Россия. – 2009. – № 41. – С. 10.

Контрафактное «Мерло» : о романе М. Земскова «Мерло» // Лит. Россия. – 2009. – № 47. – С. 3.

Мое ремесло – правда : о шукшин. праздниках на Алтае // Лит. Россия. – 2009. – № 30. – С. 1.

Не сказка про Андрея Степанова : беседа с писателем А. Степановым // Лит. Россия. – 2009. – № 42. – С. 3.

О печалях и радостях (до свиданья, 2009, и да здравствует 2010) : подведение лит. 2009 г. // Лит. Россия. – 2009. – № 52. – С. 1–2.

Поговорим о Солженицыне : беседа с Александром Урмановым // Лит. Россия. – 2009. – № 49. – С. 8–9.

Сила духа «Дома, в котором...» : о романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Лит. Россия. – 2009. – № 38. – С. 10.

Словно терновый венец : о книге А. Снегирева «Нефтяная Венера» // Лит. Россия. – 2009. – № 33/34. – С. 6.

Танки грязи не боятся! : беседа с писателем С. Беляковым // Лит. Россия. – 2009. – № 35. – С. 1, 3.

Форум для провинции : гражд. лит. Форум поможет встречам писателей и читателей // Амур. правда. – 2009. – 11 дек. – С. 3.

ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ ЕГОРА МОЛДАНОВА

Акминлаус, А. Квант милосердия : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] / А. Акминлаус // Лит. Россия. – 2012. – № 45/46. – С. 14–15.

Гафарова, Я. «Трудный возраст» Егора Молданова / Я. Гафарова // Моя Мадонна. – 2009. – 14 янв. – С. 5.

Гафарова, Я. Молодой амурчанин написал книгу / Я. Гафарова // Моя Мадонна. – 2008. – 26 нояб. – С. 7.

Егор Молданов : «Трудный возраст» – история моего детства» : интервью с Е. Молдановым / провела Ю. Климычева // Амур. правда. – 2008. – 26 дек. – С. 6.

Климычева, Ю. Мистификация с неизвестными : молодой писатель Егор Молданов жив, но писателем не является / Ю. Климычева // Амур. правда. – 2012. – 25 окт. – С. 27.

Костишин, А. Идентификация личности : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] / А. Костишин // Лит. Россия. – 2012. – № 45/46. – С. 15.

Красовская, С.И. Взыскующий сострадания : [о повести Е. Молдана «Трудный возраст»] / С.И. Красовская // Лит. Россия. – 2010. – № 1. – С. 12.

Красовская, С.И. Взыскующий сострадания : [о повести Е. Молдана «Трудный возраст»] / С.И. Красовская // Амур : лит.-худож. Альм. – 2009. – № 8. – С. 72–23.

Лаврентьев, М. Артуру Акминлаусу, критику : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] М. Лаврентьев // Лит. Россия. – 2012. – № 43. – С. 5.

Лебедушкина, О. Петросян, которую «не ждали». «Дом, в котором...» как «итоговый текст» десятилетия / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2010. – № 8. – С. 179–186.

О рассказах «Руки старика Митрофанова» и «Быть Аннетой» : от ред. // Амур : лит.-худож. альм. – 2009. – № 8. – С. 31–32.

Огрызко, В. Игры со смертью : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] / В. Огрызко // Лит. Россия. – 2012. – № 43. – С. 1, 4–5.

Огрызко, В. Мне первый раз страшно : переписка с Егором Молдановым // Лит. Россия. – 2012. – № 38. – С. 7–10.

Рождественская, Е. О Молданове–Костишине / Е. Рождественская // Лит. Россия. – 2012. – № 52. – С. 14.

Рудалев, А. Настоящий / А. Рудалев // Лит. Россия. – 2010. – № 4. – С. 10.

Свириденков, М. В зоне человеческой мерзлоты : о повести «Трудный возраст» / М. Свириденков // Лит. Россия. – 2009. – № 29. – С. 8–9.

Сенчин, Р. Мистификация, подлог или недоразумение? : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] / Р. Сенчин // Лит. Россия. – 2012. – № 42. – С. 11.

Сенчин, Р. Не трудный возраст, а трудная судьба : о повести «Трудный возраст» / Р. Сенчин // Лит. Россия. – 2010. – № 1. – С. 13.

Серов, Ю. Амальгама Егора Молданова / Ю. Серов // Лит. Россия. – 2010. – № 52. – С. 15.

Синельникова, М. Выжить в трудном возрасте : [о повести «Трудный возраст»] / М. Синельникова // Кн. Обозрение. – 2009. – № 25/26. – С. 8.

Сыщик, ищи «Дебют» : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] // Огонёк. – 2012. - № 41. – С. 6.

Ярошенко, А. Конец повести : [о мистификации автора книги «Трудный возраст»] // Рос. газ. – 2013. – 23 янв. – С. 9.

СОДЕРЖАНИЕ

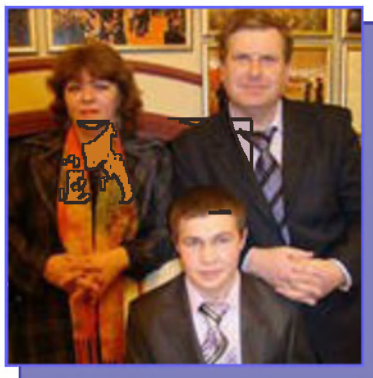
От составителя	3
Егор Молданов – А. С. Костишин: история одной литературной мистификации	6
Повесть Егора Молданова «Трудный возраст»: победа над зоной вечной человеческой мерзлоты	19
Рассказы Егора Молданова: подлинная современная российская жизнь	35
Стихотворения Егора Молданова: симфония души	48
Публицистические произведения Егора Молданова: неравнодушный к литературе	58
Опыт работы по изучению жизни и творчества Егора Молданова в школьном курсе литературы	64
Произведения Егора Молданова	69
Литература о творчестве Егора Молданова	70

А. Костишин

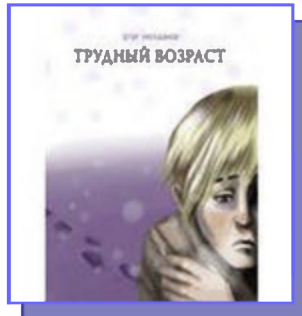
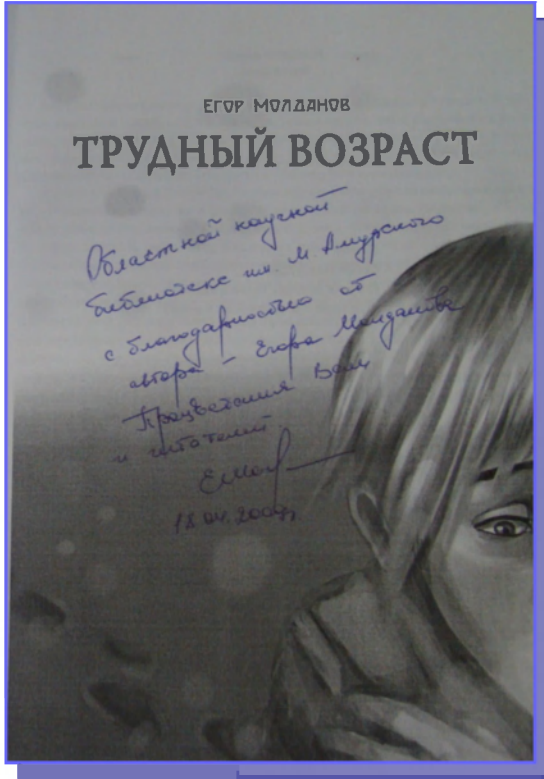
Егор Молданов

ЕГОР МОЛДАНОВ

ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

Властной куклой
быть не хочу
с благодарностью
автору - Егоре Молданову
приветствия
и признания
Елена
12.04.2009

Амурская областная научная библиотека
Имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Тел/факс: (4162) 23-73-90

E-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru